

Убийственно тихая жизнь

Автор:

Луиза Пенни

Убийственно тихая жизнь

Луиза Пенни

Старший инспектор Гамаш #1

Блестящий дебют в жанре детективного романа! Премии «John Creasy New Bloody Dagger», «Arthur Ellis Award», «Anthony Award», «Dilys Award», «Barry Award»!

Роман «Убийственно тихая жизнь» открывает серию расследований блистательного старшего инспектора Армана Гамаша – нового персонажа, созданного пером Луизы Пенни, ставшей единственным в мире пятикратным лауреатом премии Агаты Кристи.

Старший инспектор Арман Гамаш из полиции Квебека приступает к расследованию подозрительной смерти в деревне Три Сосны, что к югу от Монреаля. Тело Джейн Нил, бывшей учительницы, которая пользовалась всеобщей любовью и уважением, найдено в лесу на окраине деревни. Смерть наступила в результате выстрела из лука. Местные жители уверены, что это несчастный случай на охоте, но у Гамаша возникает смутное предчувствие, что не все здесь так очевидно. И искать нужно не незадачливого стрелка, а безжалостного убийцу...

Впервые на русском языке!

Луиза Пенни

Убийственно тихая жизнь

Louise Penny

STILL LIFE

Copyright © 2005 Louise Penny

All rights reserved

© Г. Крылов, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА

Глава первая

Мисс Джейн Нил встретила со своим Создателем ранним воскресным утром, в День благодарения. Это стало для всех большой неожиданностью. Смерть мисс Нил не была естественной, если только не считать, что все происходящее свершается в соответствии с неким планом свыше. Если так, то Джейн Нил на протяжении всех своих семидесяти шести лет шла к этому последнему мгновению, когда смерть настигла ее в великолепном кленовом лесу на окраине деревни Три Сосны. Она упала, раскинув руки и ноги в стороны, словно хотела сделать ангела в ярких шуршащих листьях.

Старший инспектор Арман Гамаш из Квебекской полиции опустился на колени, которые при этом издали звук, похожий на выстрел из охотничьего ружья; его большие выразительные руки замерли над крохотной капелькой крови, запятнавшей ворсистый кардиган Джейн, как будто Гамаш хотел, подобно

волшебнику, залечить рану и вернуть женщину к жизни. Но это было ему не по силам. Не было у него такого дара. К счастью, он обладал другими талантами. Он наклонился над телом, и в нос ему ударил запах нафталина – запах духов его бабушки. Ласковые и добрые глаза Джейн смотрели на него с удивлением.

А он с удивлением смотрел на нее. Это была его маленькая тайна. Нет-нет, он никогда прежде не видел эту женщину. Дело не в этом. Его маленькая тайна состояла в том, что в пятьдесят пять лет, на вершине долгой и теперь явно застопорившейся карьеры, насильственная смерть все еще продолжала удивлять его. Это было странно для главы отдела по расследованию убийств и, возможно, составляло одну из причин, по которой он не поднялся выше по служебной лестнице в циничном мире полиции. Гамаш всегда надеялся, что кто-то ошибся и никакого мертвого тела нет. Но, глядя на холодеющее тело мисс Нил, ошибиться было нельзя. Поднявшись на ноги с помощью инспектора Бовуара, Гамаш задумчиво застегнул свой перелицованный плащ «Берберри», спасаясь от октябрьского холода.

Несколькими днями раньше у Джейн Нил была другая встреча, на которую она опоздала. Она договорилась со своей дорогой подружкой и соседкой Кларой Морроу выпить кофе в деревенском бистро. Клара сидела за столиком у окна и ждала. Терпеливость не относилась к числу ее добродетелей. А *café au lait*[1 - Кофе с молоком (фр.).] вкупе с нетерпением создавало взрывоопасную смесь. Слегка взбудораженная, Клара смотрела через окно на деревенский луг, на старые дома и клены вдоль Общественной улицы. Деревья, приобретавшие изумительные оттенки красного и янтарного цвета, были, пожалуй, единственным, что менялось в этой почтенной деревне.

В обрамлении окна Клара увидела, как по рю дю-Мулен движется пикап, из кузова которого безжизненно свешивается голова самки пятнистого оленя. Пикап медленно проехал по Общественной улице, сражая на месте жителей деревни своей добычей. Стоял охотничий сезон, и здесь была охотничья территория. Но охотники такого рода приезжали в основном из Монреаля и других городов. Они арендовали пикапы и в поисках оленей разъезжали по грунтовым дорогам на рассвете и в вечерних сумерках, как бегемоты во время кормежки. Увидев оленя, они останавливали машину, выходили из нее и стреляли. Конечно, не все охотники так поступали, но и таких было немало. Вот эти-то удалцы и считали своим долгом погрузить убитое животное в кузов и проехать по деревне, выставляя напоказ свою великую победу.

Каждый год охотники убивали коров, лошадей, всякую домашнюю живность и даже друг друга. И как это ни невероятно, иногда кое-кто из них стрелял в самого себя, видимо в приступе психоза, принимая себя за отбивную. Умным людям известно, что некоторые охотники – не все, а некоторые – с трудом отличают сосну от куропатки или человека.

Клара не понимала, что случилось с Джейн. Та опаздывала редко, так что это было простительно для нее. Клара легко прощала большинство человеческих недостатков. Слишком уж легко, как часто ворчал ее муж Питер. Но у Клары была маленькая тайна. На самом деле она далеко не все выбрасывала из головы. Большинство вещей – да, уходили, не оставляя следа. Но некоторые она тайно пестовала и вызывала в те минуты, когда ей требовалось утешение, чтобы забыть невнимательность и грубость других людей.

На экземпляре «Монреаль газетт», лежащем на столе, скопились крошки от круассана. Между крошками виднелись заголовки: «Квебекская партия голосует за проведение референдума о независимости», «Изъятие наркотиков в поселках», «Туристы заблудились в Тремблант-парке».

Клара оторвала глаза от этих мрачных заголовков. Они с Питером давно перестали выписывать монреальские газеты. Неведение и в самом деле оказалось благодатью. Они предпочитали местную «Уильямсбург каунти ньюс», где могли прочесть о корове Уэйна, или о приезде внуков к Гилену, или о лоскутном одеяле, проданном на аукционе для дома престарелых. Время от времени Клара спрашивала себя, уж не прячут ли они голову в песок, не бегут ли от действительности и ответственности. А потом понимала, что ей все равно. К тому же она узнавала все, что ей требовалось, прямо здесь, в бистро Оливье, в центре Трех Сосен.

– До тебя миллион миль, – раздался знакомый и любимый голос.

На лице у Джейн гуляла улыбка, испещренное морщинками смеха лицо порозовело от осенней прохлады и быстрой пробежки из ее дома через деревенский луг.

– Извини, опоздала, – прошептала она на ухо Кларе, когда две подружки обнялись: одна – миниатюрная, пухленькая, слегка запыхавшаяся, другая – на тридцать лет моложе ее, стройная, все еще не отошедшая от действия

кофеина. – Ты вся дрожишь, – сказала Джейн. Она села и заказала себе *safe au lait*. – Не знала, что ты будешь так волноваться.

– Ах ты, старая карга, – рассмеялась Клара.

– Да, этим утром именно такой я и была. Ты слышала, что произошло?

– Нет, а что? – Клара, жадная до новостей, подалась вперед.

Они с Питером ездили в Монреаль – покупали холсты и краски для работы. Оба были художниками: Питер – успешным, Клара – еще не признанным, и ее друзья подозревали, что она таковой и останется, если будет продолжать в том же непостижимом ключе. Клара не могла не согласиться с тем, что ее серия маток-воительниц практически потеряна для покупающей публики, а вот ее предметы быта с пышными прическами и громадными ногами имели некоторый успех. Одну картину она продала. Остальные, в количестве приблизительно пятидесяти штук, валялись в подвале, сильно напоминающем студию Уолта Диснея.

– Нет, – сказала искренне потрясенная Клара несколько минут спустя.

За двадцать пять лет, что она прожила в Трех Соснах, ей даже слышать не приходилось ни о каких преступлениях. Единственная причина, по которой двери в домах закрывались, состояла в том, чтобы не дать соседям в период сбора урожая подбросить в дом корзиночки с кабачками. Правда, как было ясно из заголовков в «Газетт», в это время собирали и еще один урожай, масштабами не уступавший кабачкам, – урожай марихуаны. Но те, кто этим не занимался, старались ничего такого и не замечать.

Никаких других преступлений в деревне не случилось. Ни взломов, ни вандализма, ни нападений. В Трех Соснах даже полиции не было. Время от времени Робер Лемье с местными полицейскими проезжал по Общественной улице, чтобы продемонстрировать полицейские значки, но нужды в них не было.

До этого утра.

– Может, это была шутка? – спросила Клара, заставляя себя забыть мерзкую сцену, обрисованную Джейн.

– Да нет, какая там шутка, – сказала Джейн, вспоминая. – Один из мальчишек смеялся. Теперь, когда я об этом думаю, мне кажется, в этом смехе было что-то знакомое. Это такой смех, когда тебе вовсе не смешно. – Джейн посмотрела на Клару своими голубыми глазами. Глазами, полными недоумения. – Я слышала этот звук, когда учительствовала. Слава богу, не часто. Этот звук производят мальчишки, когда они что-нибудь портят и получают от этого удовольствие. – Ее пробрала дрожь при этом воспоминании, и она поплотнее закуталась в кардиган. – Отвратительный звук. Я рада, что тебя там не было.

Она сказала это в тот момент, когда Клара потянулась через круглый стол темного дерева, взяла маленькую руку Джейн в свою и всем сердцем пожалела, что там оказалась Джейн, а не она.

– Ты говоришь, это были обычные мальчишки?

– На них были такие штуки – лыжные маски, так что я не уверена, но мне кажется, я их узнала.

– И кто же это?

– Филипп Крофт, Гас Хеннесси и Клод Лапьер, – шепотом перечислила Джейн, оглядываясь, не слышит ли кто.

– Ты уверена?

Клара знала всех троих. Их нельзя было назвать примерными бойскаутами, но в подобных вещах они прежде не были замечены.

– Нет, не уверена, – призналась Джейн.

– Лучше тогда никому не говорить.

– Уже поздно.

– Что значит «поздно»?

– Я назвала эти имена сегодня утром, когда все и происходило.

– Назвала их шепотом?

Клара почувствовала, как холодеют кончики пальцев и кровь устремляется внутрь, к самому сердцу. «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста», – безмолвно взмолилась она.

– Я закричала. – Видя реакцию Клары, Джейн поспешила оправдаться: – Я хотела их остановить – и это подействовало. Они прекратили.

Джейн все еще представляла себе убегающих мальчишек, как они, спотыкаясь, мчатся по Дю-Мулен из деревни. Один, в ярко-зеленой маске, обернулся и посмотрел на нее. С его рук все еще капал утиный помет. Помет, которым осенью удобряли цветочные клумбы на деревенском лугу, и в этот день его еще не успели разнести. Джейн хотела бы увидеть лицо этого мальчика. Он был разозлен? Испуган? Или ему было забавно?

– Значит, ты была права. Я имею в виду их имена.

– Вероятно. Вот уж не думала, что мне доведется такое увидеть.

– Так ты поэтому опоздала? Нужно было привести себя в порядок?

– Да. Вернее, нет.

– Нельзя ли пояснее?

– Пожалуй. Ты ведь состоишь в жюри следующего арт-шоу в Уильямсбурге?

– Да. Встречаемся сегодня днем. Питер тоже в жюри. А что?

Клара даже дышать перестала. Неужели это оно? Неужели Джейн согласилась – после стольких уговоров и мягкого подзуживания, а иногда и не очень мягкого подталкивания?

– Я готова. – Джейн выдохнула с такой силой, что на колени Кларе полетел с газеты целый шквал крошек от круассана. – Я припозднилась, потому что мне

нужно было принять решение, – медленно проговорила Джейн, и ее руки начали дрожать. – У меня есть картина, которую я хочу выставить.

Сказав это, она начала плакать.

Искусство Джейн было в Трех Соснах общеизвестной «тайной». Время от времени кто-нибудь, отправившись в лес или в поле, натыкался на нее, сосредоточенную на своем холсте. Но она заставляла такого человека поклясться, что он не будет приближаться, не будет смотреть, будет отводить глаза, словно стал свидетелем какого-то неприличия, и уж конечно никогда не будет об этом заикаться. Клара видела Джейн сердитой всего один раз – это случилось, когда Габри подошел к ней сзади, а она в этот момент сидела за работой. Он думал, Джейн шутит, когда требует, чтобы никто не смотрел на ее творения.

Он ошибался. Джейн была убийственно серьезна. После того случая прошло несколько месяцев, прежде чем дружеские отношения между ними восстановились. Оба чувствовали себя преданными. Впрочем, их добрые души и взаимная привязанность залечили эту рану. Но случившееся послужило всем уроком.

Никто не должен был видеть творения Джейн.

До этого дня, судя по всему. Но теперь художницу настолько переполняли эмоции, что она не смогла сдержать слезы. Клара пришла в ужас. Она украдкой огляделась, отчасти в надежде, что их никто не видит, а отчасти с тайной мыслью, что кто-то видит и сумеет помочь. Потом она задала себе простой вопрос, который всегда был при ней и к которому она обращалась как к молитве: что сделала бы на ее месте Джейн? И получила ответ: Джейн позволила бы ей выплакаться всласть. Позволила бы ей швыряться тарелками, будь у нее такая потребность. И Джейн не убежала бы. А по окончании бури она бы обняла Клару, утешила, дала бы ей понять, что она не одна. Что друг всегда рядом. И потому Клара сидела, смотрела и ждала. Она знала эту мучительность бездействия. Понемногу рыдания стихли.

Клара поднялась с преувеличенным спокойствием, обняла Джейн и почувствовала, как старое тело подруги вернулось в свое обычное состояние. Она прочла маленькую благодарственную молитву богам, которые даруют

благодать. Благодать слез и благодать сочувствия.

– Джейн, я и не подозревала, что для тебя это так мучительно – демонстрировать свое творение. Прости.

– О нет, дорогая. – Джейн протянула руки через стол и накрыла ими ладони Клары. – Ты не понимаешь. Это не слезы боли. Нет. Меня переполняет радость. – Джейн устремила взгляд куда-то вдаль и кивнула, словно разговаривая сама с собой. – Наконец-то.

– А как она называется, твоя картина?

– «Ярмарочный день». На ней изображено заключительное шествие ярмарки.

И вот в пятницу перед Днем благодарения картину установили на пюпитр в галерее искусств Уильямсбурга. Она была завернута в бумагу из мясницкой лавки и перевязана бечевкой, будто спеленатый ребенок, для защиты от холодной и жестокой стихии. Питер Морроу медленно, методично развязал узелки и потянул бечевку, пока не вытянул всю ее длину. Затем он намотал ее себе на ладонь, как пряжу. Клара готова была убить его. Она готова была завизжать, вскочить со стула, оттолкнуть его в сторону. Бросить этот жалкий моток бечевки на пол, да и самого Питера вместе с ним, сорвать вощеную бумагу с холста. Лицо ее стало еще спокойнее, хотя глаза начали вылезать из орбит.

Питер аккуратно отогнул бумагу с одного угла, потом с другого, разгладил складки. Клара понятия не имела, что у прямоугольника столько углов. Она чувствовала, как кромка стула врезается ей в ягодицы. Остальные члены жюри, собравшиеся, чтобы вынести свое мнение о поданных картинах, смотрели со скучающим видом. Клара волновалась за всех них.

Наконец все уголки были разглажены и бумага готова к снятию. Питер повернулся к четырем остальным членам жюри и произнес маленькую речь, прежде чем представить их взорам картину. Он чувствовал, что нужно сказать что-то короткое и изысканное. Немного обрисовать ситуацию, немного... И тут его взгляд упал на багровое лицо жены с выпученными глазами. Питер знал: когда Клара впадает в такое состояние, речей лучше не произносить.

Он тут же повернулся к картине и снял с нее оберточную бумагу, представляя «Ярмарочный день» на суд жюри.

У Клары отвисла челюсть. Голова дернулась и поникла, словно внезапно потеряла опору. Глаза расширились, дыхание остановилось. Она будто умерла на мгновение. Вот, значит, он каков, «Ярмарочный день». Ей нечем было дышать. То же самое, видимо, чувствовали и другие члены жюри. Полукруг лиц выражал различную степень недоумения. Даже председатель, Элиз Джейкоб, хранила молчание. И вообще, выглядела так, будто ее хватил удар.

Клара не любила судить работы других людей, и данный случай был худшим за все время. Она ругала себя последними словами за то, что убедила Джейн представить свое первое творение для публичного показа на суд жюри, в которое входила сама Клара. Что это было – тщеславие? Или обычная глупость?

– Работа называется «Ярмарочный день», – прочла Элиз свои записи. – Представлена Джейн Нил из Трех Сосен. Джейн на протяжении длительного времени поддерживала арт-шоу в Уильямсбурге, но свою работу представляет впервые. – Элиз оглядела присутствующих. – Будут комментарии?

– Это замечательно, – солгала Клара.

Остальные посмотрели на нее с удивлением. На пюпитре стоял холст без рамки, и предмет картины не вызывал сомнения. Лошади были похожи на лошадей, коровы – на коров, все люди были узнаваемы не только как человеческие существа, но и как конкретные жители деревни. Но все нарисованные фигуры состояли из палочек, кружочков и точек, как будто их нарисовал первобытный художник. Или, по крайней мере, художник, стоящий на одну ступеньку выше первобытного на эволюционной лестнице. В сражении между армией человечков-палочек и этими людьми из «Ярмарочного дня» победили бы люди «Ярмарочного дня», и только потому, что у них имелось чуть больше мышц. И пальцев. Но было ясно, что эти люди существуют всего в двух измерениях. Стараясь понять, на что она смотрит, и пытаясь не делать очевидных сравнений, Клара не могла избавиться от чувства, что перед ней наскальная живопись, перенесенная на холст. Если у неандертальцев были ярмарки, то на одну из них жюри сейчас и взирало.

– Mon Dieu[2 - Боже мой (фр.).]. Мой четырехлетний сын нарисует лучше, – сказал Анри Ларивьер, проводя очевидное сравнение.

Анри был рабочим на карьере, а потом в один прекрасный день обнаружил, что камень говорит с ним. И стал слушать. После этого для него уже не было возврата к прежнему, хотя его семейство и тосковало по тем дням, когда он приносил домой пусть и небольшие, но деньги, а не высекал громадные каменные скульптуры. Его лицо сейчас, как всегда, было широким, грубым и непроницаемым, но за него говорили руки. Они были повернуты ладонями вверх в простом и красноречивом жесте недоумения. Ларивьер пытался найти подходящие слова, зная, что Джейн в приятельских отношениях с некоторыми членами жюри. Наконец он прекратил поиски и обратился к истине:

– Это ужасно.

Но возможно, его определение было слишком мягким в сравнении с тем, что он думал на самом деле.

На полотне Джейн сочными яркими красками было показано шествие перед закрытием ярмарки. Свины отличались от коз только своим ярко-красным цветом. Дети походили на низкорослых взрослых. «На самом деле, – подумала Клара, неуверенно подаваясь вперед, словно опасалась, что холст может нанести ей еще один удар, – это даже не дети. Это просто маленькие взрослые». Она узнала Оливье и Габри, которые вели голубых кроликов. С трибун за шествием наблюдали люди, многие из них были изображены в профиль, они смотрели друг на друга или в противоположные стороны. Некоторые – таких было не много – смотрели на Клару. На всех щеках красовались идеально ровные красные круги, которые, видимо, должны были означать здоровый румянец. Это было ужасно.

– Ну, по крайней мере, тут все ясно, – сказала Айрини Кальфа. – Отклонено.

Клара почувствовала, как у нее онемели и похолодели конечности.

Айрини Кальфа была гончаром. Она брала комки глины и превращала их в изящные изделия. Она изобрела новый способ глазировки, и теперь гончары со всего мира искали с ней знакомства. Но конечно, совершив паломничество в студию Айрини Кальфа в Сен-Реми и проведя пять минут с «богиней глины», они

понимали, что сделали ошибку. Она была одним из самых поглощенных собой и мелочных людей на лике планеты.

Клара не могла понять, как человек, начисто лишенный обычных человеческих эмоций, способен создавать такие прекрасные вещи. «Тогда как сама ты тщетно бьешься, как рыба об лед», – говорил тоненький голосок в ее голове.

Поверх своей кружки она бросила взгляд в сторону Питера. У него к щеке прилипла шоколадная крошка, и Клара инстинктивно отерла собственное лицо, при этом случайно запачкала волосы грецким орехом. Даже с этим шоколадным мазком на лице Питер притягивал внимание. Он обладал классической красотой. Высокий, широкоплечий, как лесоруб, а не как тонкий художник, каким он был. Его волнистые волосы поседели, в уголках глаз и на чисто выбритом лице появились морщинки, а очки он теперь носил постоянно. В свои пятьдесят с небольшим он выглядел как бизнесмен, пустившийся в рискованное предприятие. По утрам Клара часто просыпалась и смотрела на него, спящего, и ей хотелось пробраться ему под кожу, свернуться вокруг его сердца и защитить его.

Голова Клары действовала как магнит для всякой еды. Она была Кармен Мирандой[3 - Кармен Миранда (1909–1955) – бразильская певица и танцовщица, известна своими экзотическими костюмами и шляпками с муляжами фруктов.] для всяких печеных изделий. Питер же был безукоризненным. Он мог бы попасть под грязевой поток и вернуться домой более чистым, чем вышел. Но иногда – очень редко и потому особенно заметно – его естественная аура изменяла ему и что-нибудь прилипало к его лицу. Клара знала, что нужно бы ему сказать. Но не сказала.

– А вы знаете, – произнес Питер, и даже Айрини посмотрела на него, – по-моему, это здорово.

Айрини фыркнула и бросила многозначительный взгляд на Анри, но тот проигнорировал ее. Питер нашел взглядом Клару и на несколько мгновений задержался на ней, проверяя свои ощущения. Когда Питер входил в комнату, он всегда обводил ее взглядом, пока не находил Клару. И тогда он успокаивался. Внешний мир видел высокого, значительного человека и его растрепанную жену и спрашивал, почему они вместе. Некоторые, и в первую очередь мать Питера, даже считали этот брак преступлением против природы. Клара была его центром жизни, воплощением всего хорошего, здорового, счастливого вокруг

него. Глядя на нее, он не видел непокорных, растрепанных волос, помятых платьев, дешевых очков в роговой оправе. Нет, он видел в ней свою безопасную гавань. Но в данный момент он увидел также кусочек грецкого ореха в ее волосах, что было весьма характерным знаком. Он инстинктивно поднес руку к собственным волосам и смахнул шоколадную крошку со щеки.

– Что вы видите? – спросила Элиз у Питера.

– Если честно, не знаю. Но я знаю, что мы должны принять эту работу.

Этот короткий ответ придавал его мнению даже больше весомости.

– Это рискованно, – заметила Элиз.

– Согласна, – сказала Клара. – Но что самое худшее может случиться? Люди, пришедшие на выставку, подумают, что мы совершили ошибку? Так они всегда это думают.

Элиз согласно кивнула.

– Я скажу вам, в чем риск, – произнесла Айрини с интонацией, подразумевающей «вам, идиотам». – Мы живем за счет сообщества и едва сводим концы с концами. Единственная наша ценность – это доверие к нам. Если вдруг появится мнение, что мы принимаем работы, основываясь не на их реальных достоинствах, а потому, что мы – группа приятелей и нам нравится художник, тут нам и конец. Вот в чем риск. Никто не будет относиться к нам серьезно. Художники откажутся представлять свои работы из опасения, что и их репутация будет подмочена. Люди перестанут приходить, потому что будут знать: здесь они увидят дерьмо вроде... – Она замолчала, как будто ей не хватило слов, и просто показала на холст.

И тут Клара увидела это. Некую искру, вспыхнувшую на периферии ее сознания. На одно мгновение «Ярмарочный день» засверкал. Отдельные части сложились воедино, потом этот миг прошел. Клара поняла, что задерживает дыхание, но еще она поняла, что перед ней великое произведение. Она, как и Питер, не могла объяснить почему, но в это мгновение мир, казавшийся перевернутым, встал на свое место. Ей стало ясно, что «Ярмарочный день» – выдающаяся работа.

– Я думаю, это не просто хорошая работа. Я думаю, это блестящая работа, – сказала она.

– Да бога ради. Вы что, не видите – она говорит это, чтобы поддержать мужа?

– Айрини, мы слышали ваше мнение. Продолжайте, Клара, – сказала Элиз.

Анри подался вперед, стул под ним застонал.

Клара встала и медленно подошла к полотну на пюпитре. Оно тронуло ее таким чувством утраты и печали, что она едва сдержалась, чтобы не расплакаться. Как такое возможно? – спрашивала она себя. Изображения были такие детские, такие примитивные. Почти глупые – с танцующими гусями и улыбающимися людьми. Но здесь было что-то еще. Что-то лежащее за пределами ее понимания.

– Я прошу прощения. Это так неловко, – сказала она, чувствуя, как горят ее щеки, – но я не могу это объяснить.

– Давайте отложим «Ярмарочный день» в сторону и вернемся к нему, когда посмотрим другие работы.

Остальная часть собрания прошла гладко. Солнце садилось, и, когда они вернулись к «Ярмарочному дню», в комнате стало еще холоднее, чем вначале.

Питер включил свет и водрузил работу Джейн на пюпитр.

– D'accord[4 - Ну хорошо (фр.).]. У кого-нибудь изменилось мнение касательно «Ярмарочного дня»? – спросила Элиз.

Молчание.

– Значит, двое за то, чтобы принять, и двое против.

Элиз спокойным взглядом посмотрела на «Ярмарочный день». Она шапочно была знакома с Джейн Нил, и ей нравилось то, что она видела. Джейн всегда казалась Элиз благоразумной, доброй и мыслящей женщиной. Человеком, с которым

приятно проводить время. Почему же она создала такую неряшливую, детскую вещь? Но... И тут новая мысль пришла ей в голову. Не то чтобы слишком оригинальная или новая для самой Элиз, но новая сегодня.

– «Ярмарочный день» принят. Он будет демонстрироваться вместе с другими работами.

Клара радостно подпрыгнула, опрокинув стул.

– Да бросьте вы, – сказала Айрини.

– Все правильно. Прекрасная работа. Вы обе подтвердили мою точку зрения. – Элиз улыбнулась.

– Какую точку зрения?

– По какой-то причине «Ярмарочный день» задевает нас. Он нас трогает. Вызывает у нас гнев, – сказала Элиз, отдавая дань справедливости словам Айрини. – Вызывает недоумение... – Короткий, но многозначительный взгляд на Анри, который кивнул сидящей головой. – Вызывает... – Взгляд в сторону Питера и Клары.

– Радость, – откликнулся Питер в тот самый момент, когда Клара произнесла:

– Печаль.

Они переглянулись и рассмеялись.

– Так вот, я смотрю на картину и чувствую то же, что и Анри, – обычное недоумение. Но все дело в том, что я не в силах определить, то ли это блестящий пример наивного искусства, то ли никчемные каракули совершенно бездарной, выжившей из ума старой женщины. Вот в чем противоречие. И вот почему картина должна быть выставлена. Могу гарантировать, что именно об этой работе люди будут больше всего говорить в кафе после вернисажа.

– Отвратительно, – сказала Рут Зардо позднее тем вечером, опершись на трость и отхлебнув виски.

Друзья Питера и Клары собрались в их гостиной у потрескивающего камина на обед в канун Дня благодарения.

Это было затишье перед боем. Завтра понаедут родня и друзья и наверняка задержатся на весь долгий уик-энд Дня благодарения. В лесу будет полно туристов и охотников – не самое удачное сочетание. На деревенском лугу в субботу утром будет проведен ежегодный матч по тачболу[5 - Тачбол (от touch-football) – упрощенный вид американского футбола.], а после него будет устроен овощной рынок – последнее отчаянное усилие распродать томаты и кабачки. Вечером разведут костер, и Три Сосны наполнятся великолепным запахом горящих листьев и дерева с подозрительными оттенками гаспачо.

Три Сосны не были обозначены на туристских картах, потому что деревня находилась слишком далеко от магистральных и даже второстепенных дорог. Как и Нарнию[6 - Нарния – волшебная страна из цикла сказок Клайва Льюиса «Хроники Нарнии»], ее обычно обнаруживали неожиданно и удивлялись, что такая старая деревня все это время пряталась здесь, в долине. Тот, кому повезло попасть в Три Сосны один раз, обычно возвращался сюда. И День благодарения в начале октября был для этого идеальным временем. Погода, как правило, в это время стояла ясная, чуть морозная, летние ароматы старых садовых роз и флоксов замещались терпким запахом осенних листьев, дымка костров и жареной индейки.

Оливье и Габри пересказывали события сегодняшнего утра. Их описание было таким ярким, что все в уютной гостиной живо представили себе трех мальчишек в лыжных масках, набирающих полные горсти утиного помета на краю деревенского луга. Мальчишки подняли руки, помет просачивался у них между пальцами, и тут они принялись швырять его в старое кирпичное здание. Вскоре на белых и голубых навесах с надписью «Кампари» появились грязные потеки, коричневатая жижа потекла по стенам. Вывеска «Бистро» оказалась вся заляпана. За несколько мгновений безупречно чистый фасад кафе в самом центре деревни Три Сосны стал грязным, и не только от утиного помета. Деревню осквернили наполнившие воздух слова «Пидоры! Гомосеки! Deguelasse!», выкрикиваемые мальчишками в масках.

Слушая Оливье и Габри, Джейн вспоминала, как вышла из своего маленького каменного коттеджа по другую сторону луга и поспешила к бистро, из которого появились Оливье и Габри. Мальчишки удовлетворенно вскричали и принялись – небезуспешно – целиться в двух мужчин.

Джейн ускорила шаг, жалея, что ноги у нее полные, а не длинные. И тут она увидела, как Оливье сделал нечто совершенно необычное. Пока мальчишки кричали, продолжая кидаться пометом, Оливье медленно, обдуманно, мягко взял руку Габри, немного подержал ее, а потом элегантно поднес к губам. Мальчишки застыли на месте, глядя, как Оливье губами, испачканными пометом, целует испачканную пометом руку Габри. Мальчишек этот акт любви и вызова ошеломил. Но всего лишь на несколько секунд. Их ненависть восторжествовала, и они удвоили усилия.

«А ну, прекратите это!» – твердо сказала Джейн.

Руки замерли в полузамахе, инстинктивно реагируя на властный голос. Все трое как один повернулись и увидели маленькую Джейн Нил в платье в цветочек. Она строго смотрела на них. Один из мальчишек в оранжевой маске завел было руку, чтобы швырнуть пометом в нее.

«Только посмейте, молодой человек!»

Он помедлил, и Джейн хватило этого времени, чтобы заглянуть в глаза каждому из них.

«Филипп Крофт, Гас Хеннесси и Клод Лапьер», – медленно и четко проговорила она.

И это остановило их. Они побросали помет и побежали мимо Джейн вверх по холму. Тот, на котором была оранжевая маска, рассмеялся. Звук был такой грязный – превосходил даже помет. Один из парней повернулся и посмотрел назад, а другие врезались в него и поволокли дальше вверх по Дю-Мулен.

Случилось это сегодня утром, а уже казалось похожим на сон.

– Это было отвратительно, – сказал Габри, соглашаясь с Рут. Он сел в одно из старых кресел, обивка которого набралась тепла из камина. – Они, конечно, были правы. Я действительно гей.

– И, – подхватил Оливье, присаживаясь на подлокотник кресла Габри, – довольно гомосексуальный.

– Я стал одним из самых впечатляющих гомосексуалов Квебека, – сказал Габри, перефразируя Квентина Криспа[7 - Квентин Крисп (1908–1999) – английский писатель и актер, «гей-икона» своего времени.]. – От моих взглядов дух захватывает.

Оливье рассмеялся, а Рут подбросила в огонь еще одно полено.

– Ты и в самом деле выглядел очень впечатляюще сегодня утром, – сказал Бен Хадли, лучший друг Питера.

– Неужели как настоящий землевладелец?

– Скорее как обитатель медвежьего угла.

В кухне Клара встретила Мирну Ландерс.

– Стол выглядит замечательно, – сказала Мирна, стягивая с себя куртку, под которой оказалась яркая фиолетовая кофта, и Клара удивилась, как это Мирне удалось протиснуться в дверь.

Гостья принесла свой вклад в вечернее застолье – цветочную композицию.

– Куда это поставить, детка?

Клара вытаращилась на цветы. Как и сама Мирна, ее букеты были громадными, пышными и неожиданными. В этой композиции присутствовали кленовые и дубовые ветки, тростник с речушки Белла-Беллы, протекавшей за книжной лавкой Мирны, яблочные ветви, на которых еще оставалось несколько яблок, и большие пучки трав.

– Это что?

– Где?

– Вот здесь, в середине композиции.

– Колбаса.

– Обычная колбаса?

– Угу, а посмотри-ка вот сюда... – Мирна ткнула пальцем в переплетение стеблей.

– «Избранные сочинения У. Х. Одена[8 - Уистен Хью Оден (1907–1973) – англо-американский поэт.]», – прочла Клара. – Ты шутишь.

– Это для мальчиков.

– А что там еще? – Клара обозрела огромную композицию.

– Дензел Вашингтон. Только Габри не говори.

В гостиной Джейн продолжала рассказывать историю:

– ...Потом Габри сказал мне: «Я получил удобрения для вас. Именно так Вита Сэквилл-Уэст[9 - Вита Сэквилл-Уэст (1892–1962) – английский автор, поэтесса, известна своим богемным образом жизни и бисексуальностью, широко известен ее страстный роман с Вирджинией Вулф.] и носила их всегда».

Оливье прошептал на ухо Габри:

– Ты очень гомосексуален.

– Разве ты не рад, что хотя бы один из нас таков? – Старая и удобная шутка.

– Ну как вы? – спросила Мирна, выходя из кухни в сопровождении Клары, и обняла Габри и Оливье.

Питер налил Мирне виски.

– Думаю, у нас все в порядке. – Оливье поцеловал Мирну в обе щеки. – Удивительно, почему этого не случилось раньше. Мы здесь уже сколько живем? Двенадцать лет?

Габри, набивший рот камамбером, кивнул.

– И вот впервые за эти годы нас попытались унижить. В самый первый раз меня побили за неправильную ориентацию, когда я был еще мальчишкой, в Монреале, несколько взрослых дядек. Вот это был ужас.

Все продолжали молчать, и лишь поленья потрескивали в камине, создавая звуковой фон для рассказа Оливье.

– Они поколотили меня тростями. Забавно, но, когда я вспоминаю, это и было самым мучительным в том происшествии. Не синяки и царапины, а то, что, прежде чем ударить, они тыкали в меня тростью. – Он показал рукой, как они это делали. – Словно я не человек.

– Это необходимый первый шаг, – сказала Мирна. – Они сначала как бы обесчеловечивают жертву. Ты это хорошо объяснил.

Она знала, о чем говорит. До своего приезда в Три Сосны Мирна работала психотерапевтом в Монреале. И, будучи чернокожей, часто видела на лицах людей то единственное в своем роде выражение, которое появляется, когда на тебя смотрят как на мебель.

Рут обратилась к Оливье, меняя тему разговора:

– Я была в подвале и нашла там кое-какие вещички. Подумала, может, ты продашь их для меня?

Подвал Рут был ее банком.

– Прекрасно. Что за вещи?

– Да кое-что из рубинового стекла...

– О, замечательно. – Оливье любил цветное стекло. – Ручное дутье?

– Ты что, меня за идиотку держишь? Конечно ручное дутье.

– Ты уверена, что они тебе больше не нужны? – Оливье всегда задавал этот вопрос своим друзьям.

– Прекрати меня об этом спрашивать. Думаешь, я завела бы разговор, будь у меня какие-то сомнения?

– Старая сука.

– Шлюха.

– Ну хорошо, расскажи мне о них, – сказал Оливье.

Вещи, которые Рут доставала из подвала, и в самом деле были невероятными. У нее словно имелась нора, прорытая в прошлое. Там было много мусора вроде старых сломанных кофеварок и перегоревших тостеров. Но от большинства других вещей у Оливье сердце заходило. Корыстный торговец антиквариатом в нем (а эта личность составляла гораздо бо?льшую часть его существа, чем он готов был признать) был в восторге оттого, что имеет эксклюзивный доступ к сокровищам Рут. Ему иногда снились сны наяву об этом подвале.

Но если сокровища Рут возбуждали его, то при мыслях о доме Джейн он просто слюной истекал. Он готов был убить, чтобы увидеть, что там у нее за кухней. В одной ее кухне антиквариата было на десятки тысяч долларов. Когда он по настоянию паникера Габри впервые появился в Трех Соснах, то чуть не потерял дар речи, увидев линолеум в прихожей Джейн. Если у нее прихожая – настоящий музей, а кухня – сокровищница, то что, черт возьми, скрыто в других помещениях? Оливье выкинул из головы эту мысль, подумав, что его, скорее

всего, ждет разочарование. «IKEA». И ворсистый ковер. Он давно уже перестал спрашивать себя, почему Джейн никогда никого не приглашает за распашную дверь в ее гостиную и дальше.

– Что касается удобрений, Джейн, – сказал Габри, согнувшись всем своим мощным телом над одним из пазлов Питера, – то я смогу доставить их вам завтра. Вам нужна помощь по саду?

– Нет, там уже почти все сделано. Но наверное, в последний раз. Мне это становится не по силам.

Габри с облегчением услышал, что его помощи не требуется. Разобраться с собственным садом тоже требовало немалых трудов.

– У меня есть много деток розового алтея, – сказала Джейн, вставляя на место кусочек пазла с голубым небом. – А как вам понравились бархатцы? Что-то я их у вас не заметила.

– Я их сажал прошлой осенью, но они никогда не называли меня мамочкой. Вы мне еще не дадите? Могу поменять на монарду.

– Боже, не делайте этого.

Монарда была цукини цветочного мира. Она играла значительную роль на осеннем базаре и была незаменима в костре на День благодарения, от нее исходил сладковатый запах бергамота, а потому возникало ощущение, будто во всех домах деревни заваривают чай «Эрл Грей».

– Мы рассказывали о том, что случилось сегодня после вашего ухода? – театральным голосом сказал Габри, отчего все уши в комнате насторожились. – Мы готовили горошек для вечера...

Клара закатила глаза и прошептала Джейн:

– Должно быть, потеряли открывашку.

– ...и тут раздался звонок и появились Мэтью Крофт и Филипп.

– Не может быть! И что дальше?

– Филипп пробормотал: «Я сожалею о том, что случилось утром».

– А вы что ему сказали? – спросила Мирна.

– Мы сказали: «Докажи это», – ответил Оливье.

– Не верю! – вскричала Клара со смехом.

– Поверь, я так и сделал. В его извинении не было искренности. Он сожалел, что его поймали, и беспокоился о последствиях. Но я не поверил, что он раскаивается в содеянном.

– Совесть и трусость, – сказала Клара.

– Ты это о чем? – спросил Бен.

– Оскар Уайльд говорил, что совесть и трусость в сущности одно и то же. Мы не совершаем преступления не потому, что этого не позволяет совесть, – мы просто боимся быть пойманными.

– Интересно, так ли оно на самом деле, – сказала Джейн.

– А ты могла бы? – спросила Мирна у Клары.

– Совершить преступление, если бы я знала, что оно сойдет мне с рук?

– Изменить Питеру, – предложил Оливье. – Ограбить банк. А еще лучше – украсть работу другого художника.

– Да все это детские игрушки, – фыркнула Рут. – Нет, давайте уж для примера возьмем убийство. Могла бы ты наехать на кого-нибудь своей машиной? Или отравить кого-нибудь? Или сбросить в Белла-Беллу во время половодья? Или же... – она огляделась вокруг, на ее озабоченном лице играли теплые отблески пламени из камина, – или же мы могли бы поджечь дом и не спасти людей.

– Кого ты имеешь в виду, когда говоришь «мы», белая женщина? – спросила Мирна.

– Если по правде, – сказала Клара, – то я, пожалуй, смогла бы все, кроме убийства. – Она посмотрела на Рут, которая заговорщицки ей подмигнула.

– Представьте себе мир, в котором ты можешь делать все что угодно. Что душа пожелает. И тебе все сходит с рук, – сказала Мирна, снова возвращаясь к теме. – Какая власть в твоих руках! Кто бы не поддался соблазну в таких обстоятельствах?

– Джейн не поддалась бы, – уверенно заявила Рут. – А вот что касается всех остальных... – Она пожала плечами.

– А ты? – спросил у нее Оливье, раздраженный тем, что его подспудные мысли выволокли на всеобщее обозрение.

– Я? Ну, ты ведь успел хорошо меня узнать, Оливье. Я была бы хуже всех. Я бы обманывала, крада и превратила ваши жизни в ад.

– Еще худший, чем теперь? – спросил все еще уязвленный Оливье.

– Теперь ты тоже в списке, – ответила Рут.

И Оливье вспомнил, что ближайшим аналогом полицейского подразделения в деревне была добровольная пожарная команда и он был ее членом, а Рут – головой. И когда Рут Зардо приказывала отправляться на пожар, ты подчинялся. Она была страшнее горящего здания.

– А ты что скажешь, Габри? – спросила Клара.

– Бывали случаи, когда я настолько выходил из себя, что был готов убить. И возможно, убил бы, если бы знал, что мне за это ничего не будет.

– Что же тебя так бесило? – удивленно спросила Клара.

– Предательство, всегда и только предательство.

– И как ты поступал? – спросила Мирна.

– Шел на психотерапию. Там я с ним и познакомился. – Габри накрыл руку Оливье своей. – Мне кажется, мы оба ходили к психотерапевту на год дольше, чем требовалось, чтобы встречаться в приемной.

– Не глупо ли? – сказал Оливье, убирая с лица прядь редящих светлых волос. Они напоминали шелк и все время ниспадали ему на глаза, какими бы шампунями и бальзамами он ни пользовался.

– Можешь смеяться сколько угодно, но ничто не происходит случайно, – сказал Габри. – Не было бы предательства, не было бы и озлобления. Не было бы озлобления, не было бы психотерапии. Не было бы психотерапии, не было бы Оливье. Не было бы Оливье, не было бы...

– Хватит. – Оливье поднял руки. – Сдаюсь.

– Мне всегда нравился Мэтью Крофт, – сказала Джейн.

– Он у тебя учился? – спросила Клара.

– Давно. С первого по последний класс в старой здешней школе. Пока ее не закрыли.

– Не понимаю, зачем это сделали, – проворчал Бен.

– Бога ради, Бен, школу закрыли двадцать лет назад. Проснись. – Только Рут могла это сказать.

Приехав в Три Сосны, Мирна первое время спрашивала себя, не перенесла ли Рут удар. Мирна из собственной практики знала, что люди, перенесшие инсульт, иногда плохо контролируют себя. Когда она спросила об этом у Клары, та ответила, что если у Рут и был инсульт, то матки. Насколько знала Клара, Рут всю жизнь была такой. «Тогда почему все ее любят?» – спросила Мирна. Клара рассмеялась и пожала плечами: «Знаешь, я иногда и сама задаю себе этот

вопрос. Она, конечно, та еще штучка. Но я думаю, сердце у нее доброе».

– Как бы там ни было, – заговорил Габри, возвращаясь к теме, – Филипп согласился добровольно отработать пятнадцать часов – будет убирать территорию у бистро.

– Но ему это не очень понравилось, – сказал Питер, вставая.

– Ты угадал, – ухмыльнулся Оливье.

– Я хочу предложить тост, – сказал Габри. – За наших друзей, которые встали сегодня рядом с нами. За наших друзей, которые все утро помогали нам убирать бистро.

Мирна уже замечала этот феномен – способность некоторых людей обращать неприятные события в торжество. Она думала об этом утром, когда, отскребая помет, остановилась на мгновение, чтобы посмотреть на людей, молодых и старых, пришедших на помощь. И она была одной из них. Мирна снова благословила тот день, когда решила оставить город, обосноваться здесь и продавать книги этим людям. Она наконец-то обрела дом. Потом перед ее мысленным взором возник другой образ, забывшийся за утренней суетой. Образ Рут, опирающейся на трость, Рут, отвернувшейся от остальных, так что только Мирна видела, как морщилась от боли эта старая женщина, когда опустилась на колени и принялась молча скрести плитку у входа. И делала это все утро.

– Обед готов, – сказал Питер.

– Великолепно. Как у моей мамочки. Это «Ле Съёр»? – спросила несколько минут спустя Джейн, поднося ко рту вилку с порцией горохового пюре с подливкой.

– Bien s?r[10 - Здесь: да, конечно (фр.).]. От месье Беливо, – кивнул Оливье.

– Да бога ради! – воскликнула Клара на другом конце стонущего от восторга соснового стола. – Обычный консервированный горошек. Из гастронома. А еще называет себя шеф-поваром!

– «Ле Съёр» – золотой стандарт консервированного горошка. Сохраните его, мисси, и на следующий год у вас будет безымянный бренд. Не надо благодарностей, – театральным шепотом проговорил Оливье, обращаясь к Джейн. – И на День благодарения тоже. Позор.

Они ели при свете свечей разнообразных форм и размеров, расставленных повсюду в кухне. На тарелках громоздились индейка, фаршированная каштанами, сваренные в сахаре батат и картошка, гороховое пюре с подливкой. Каждый принес что-нибудь к столу, кроме Бена, который не готовил. Но зато он принес вино. Это были их обычные сборища, и Клара с Питером могли их себе позволить только за счет складчины.

Оливье наклонился к Мирне:

– Очередная выдающаяся цветочная композиция.

– Спасибо. Кстати, там спрятано кое-что для вас двоих.

– Правда?

Габри вскочил в мгновение ока. Длинные ноги перенесли его мощное тело через кухню к цветочной композиции. В отличие от Оливье, который всегда был сдержанным и даже разборчивым, как кот, Габри больше походил на сенбернара, хотя и без слюней. Он внимательно рассмотрел сложное хитросплетение ветвей и вдруг взвизгнул:

– Я давно об этом мечтал. – И вытащил колбасу.

– Нет, это не твое. Это для Клары.

Все, а в особенности Питер, с тревогой посмотрели на Клару. Оливье вздохнул с облегчением. Габри снова засунул руку в композицию и вытащил оттуда толстую книгу.

– «Избранные сочинения У. Х. Одена». – Габри попытался скрыть разочарование. Но особо не старался. – Я его не знаю.

– О, Габри, тебя ждут приятные открытия, – сказала Джейн.

– Ну все, я больше не могу терпеть, – внезапно проговорила Рут, наклоняясь над столом к Джейн. – Жюри приняло твою работу?

– Да.

Это слово будто привело в действие пружины в их стульях, все повскакали с места и потянулись к Джейн, которая, стоя, радостно принимала их объятия. Она сияла ярче любой из свечей в комнате. Отступив на мгновение, Клара оглядела своих гостей, и сердце ее сжалось, дух воспарил; она почувствовала себя счастливой оттого, что является частью этого мгновения.

– Большие художники вкладывают немалую часть своего «я» в свои творения, – сказала Клара, когда все снова сели.

– А какой особый смысл у «Ярмарочного дня»? – спросил Бен.

– Нет, это было бы обманом. Вы должны сообразить сами. Все должно быть понятно. – Джейн с улыбкой повернулась к Бену: – Ты поймешь, я уверена.

– Почему картина называется «Ярмарочный день»? – спросил он.

– Она была нарисована на ярмарке округа в день заключительного шествия.

Джейн многозначительно посмотрела на Бена. Его мать, ее подруга Тиммер, умерла в тот день. Неужели это было всего месяц назад? Вся деревня присутствовала на том шествии, кроме Тиммер, которая в одиночестве умирала от рака в своей постели. Ее сын в это время был в Оттаве на аукционе антиквариата. Клара и Питер сообщили ему печальную новость. Клара никогда не забудет этого выражения на лице Бена, когда Питер сообщил ему о смерти матери. Не скорби и даже пока не боли. А полного неверия. И он был не один такой.

– Зло не выставляет себя напоказ и всегда имеет человеческое лицо, оно разделяет с нами постель и ест с нами за одним столом, – произнесла Джейн едва слышно. – Это Оден, – пояснила она, кивая на книгу в руках Габри, и своей

улыбкой сняла неожиданно возникшее и необъяснимое напряжение.

– Я мог бы проскользнуть туда и посмотреть на «Ярмарочный день» до начала выставки, – сказал Бен.

Джейн глубоко вздохнула:

– Я бы хотела после открытия выставки пригласить вас всех к себе. В гостиную. – Если бы она сказала «пригласить всех в голом виде», это произвело бы меньший эффект. – У меня есть для вас маленький сюрприз.

– Ты не шутишь? – проговорила Рут.

Гости с желудками, полными индейки и тыквенного пирога, портвейна и кофе, разбредались по домам. Лучи их фонариков скакали, как огромные светляки. Они провели приятный, ничем особо не примечательный вечер среди друзей в канун Дня благодарения. Клара провожала взглядом Джейн, которая двигалась по петляющей через лесок тропинке, соединявшей их дома. Джейн уже давно исчезла из виду, но луч ее фонарика все еще был заметен – яркий белый свет блуждал там, словно краб-отшельник. И только услышав нетерпеливый лай Люси, собаки Джейн, Клара закрыла дверь. Джейн была дома. В безопасности.

Глава вторая

Арману Гамашу позвонили в День благодарения, в тот момент, когда он выходил из своей монреальской квартиры. Его жена Рейн-Мари уже сидела в машине, и единственная причина, по которой он еще не уехал на крестины к внучатой племяннице, состояла в том, что ему вдруг приспичило воспользоваться удобствами.

– Oui, allo?

– Monsieur l'Inspecteur? – произнес вежливый молодой голос на другом конце. – Это агент Николь. Меня просил позвонить вам суперинтендант. Убийство.

Гамаш прослужил в Квебекской полиции не одно десятилетие, и большую часть этого времени – в отделе по расследованию убийств, но это слово до сих пор вызывало у него тяжелые чувства.

– Где? – спросил он, нашаривая ручку и блокнот, лежащие рядом со всеми телефонными аппаратами в их квартире.

– В маленькой деревне в Восточных кантонах. Три Сосны. Я смогу подъехать за вами через четверть часа.

– Ты, что ли, убил этого человека? – спросила Рейн-Мари, когда Арман сказал ей, что не сможет присутствовать на двухчасовой службе на жестких скамьях в незнакомой церкви.

– Если это я, то мы выясним. Хочешь поехать?

– А что бы ты стал делать, если бы я хоть раз согласилась?

– Я был бы рад, – искренне сказал Гамаш.

После тридцати двух лет брака он все еще радовался каждой минуте с Рейн-Мари. Он знал, что если она и окажется с ним когда-нибудь на расследовании убийства, то сумеет вести себя правильно. Она всегда знает, как поступать. Всегда сдержанная, всегда знающая, что делать. Он ей доверял.

И она опять поступила правильно, отклонив приглашение.

– Я им скажу, что ты опять напился, – сказала она, когда Гамаш спросил, будет ли расстроена ее семья его отсутствием.

– В прошлый раз, когда я не смог появиться, ты, кажется, сказала им, что я в центре исправительного воздействия?

– Да, и это сработало.

– Очень печально для тебя.

– Я страдаю за грехи мужа моего, – сказала Рейн-Мари, пересаживаясь на водительское сиденье. – Не лезь на рожон, дорогой, – добавила она на прощание.

– Ни в коем случае, mon cCur[11 - Мое сердце (фр.).].

Он вернулся в свой кабинет в квартире на втором этаже и посмотрел на огромную карту Квебека, занимающую целую стену. Его палец двинулся к югу от Монреаля, к Восточным кантонам и остановился у границы со Штатами.

– Три Сосны... Три Сосны, – повторил Гамаш, пытаясь найти эту деревню. – Может, она как-то по-другому называется? – спросил он себя, впервые не сумев найти нужный ему населенный пункт на этой крупномасштабной карте. – Может быть, по-французски – Trois Pin?

Нет, и такого названия тоже не было. Но это его не беспокоило, потому что найти эту деревню входило в обязанности Николь. Гамаш прошел по большой квартире, которую они купили в квартале Утремон, когда родились дети, и, хотя дети давно уже не жили с ними, место это никогда не казалось пустым. Достаточно было делить его с Рейн-Мари. На пианино стояли фотографии, книжный шкаф был до отказа забит книгами – свидетельство того, что в этом доме живут правильной жизнью. Рейн-Мари хотела повесить на стену благодарности, полученные Гамашем, но он мягко отказался. Каждый раз, когда он натыкался на благодарность в рамочке в стенном шкафу своего кабинета, он вспоминал не официальную церемонию в полиции, а лица мертвых и живых, не удостоившихся этой чести. Нет, эти рамочки не будут висеть на стенах его дома. А теперь поток благодарностей вообще иссяк – это случилось после дела Арно. Но Гамашу было вполне достаточно благодарности семьи.

Агент Иветт Николь рыскала по дому в поисках бумажника.

– Папа, ты наверняка видел его, – взмолилась она, кинув взгляд на настенные часы и отметив безжалостное движение минутной стрелки.

Ее отец замер на месте. Он видел ее бумажник. Взял его чуть раньше, чтобы положить туда двадцать долларов. Это была их маленькая игра. Он давал ей деньги, а она делала вид, что не замечает этого, хотя время от времени он

возвращался домой с ночной смены в пивоварне и находил в холодильнике эклер с его именем, выведенным ее четким, почти детским почерком. Он взял ее бумажник несколько минут назад, чтобы сунуть туда деньги, но, когда раздался звонок, срочно вызывавший его дочь на службу, он сделал то, чего раньше ему и в голову не приходило. Спрятал бумажник вместе с ее удостоверением. Такой маленькой книжицей, для получения которой ей пришлось столько потрудиться. Он увидел, как она сбрасывает подушки с дивана на пол, и понял, что она перевернет всю квартиру.

– Папа, помоги мне, я должна его найти.

Она посмотрела на него глазами, ставшими огромными от отчаяния. Почему он стоит посреди комнаты и ничего не делает? Ведь сейчас наступил такой важный момент в ее жизни, момент, о котором они говорили много лет. Сколько они мечтали вслух о том, что она станет агентом Квебекской полиции. И вот это наконец случилось благодаря ее упорным трудам и, если уж говорить откровенно, ее прирожденным следовательским талантам, и она получает возможность расследовать дело в команде Гамаша. Ее отец знал про него все. Следил за его карьерой по газетам.

«Твой дядюшка Сол мог бы сейчас работать в полиции, если бы не его лень, – говорил ей отец, покачивая головой. – Сам виноват. А ты знаешь, что происходит с неудачниками?»

«Они теряют свои жизни».

Она знала правильный ответ на этот вопрос. Ей с младенчества рассказывали семейную историю.

«Дядюшка Сол, твои бабушка и дедушка. Все. Теперь ты в семье самая умная, Иветт. Мы на тебя рассчитываем».

И она оправдала все ожидания – ее приняли на работу в полицию. За одно поколение ее семья прошла путь от жертв чехословацких властей до тех, кто устанавливает правила игры. С одного конца пистолета они переместились на другой.

И на новом месте ей нравилось гораздо больше.

Но теперь от потерявшегося бумажника с удостоверением зависело, воплотится ли ее мечта в жизнь, или она потерпит неудачу, как глупый дядюшка Сол. Часы отсчитывали секунды. Она сказала старшему инспектору, что будет у него через пятнадцать минут. Это случилось пять минут назад. У нее оставалось десять минут, чтобы проехать через весь город и купить по дороге кофе.

– Да помоги же мне, – взмолилась она, вытряхивая содержимое своей сумочки на пол гостиной.

– Вот он. – Ее сестра Анжелина вышла из кухни с бумажником и удостоверением в руке.

Николь чуть не упала на Анжелину, поцеловала ее и бросилась вон, схватив на ходу куртку.

Ари Никулаш смотрел на свою любимую младшую дочку, стараясь запомнить каждую клеточку ее драгоценного лица и не выдать отвратительного страха, угнездившегося в его желудке. Что он наделал, внедрив эту дурацкую идею в ее голову! Никакой семьи в Чехословакии он не терял. Сочинил эту историю, чтобы иметь героическую ауру. Чтобы быть большим человеком в их новой стране. Но его дочь поверила в эту историю, – поверила, что когда-то были и глупый дядюшка Сол, и погибшая семья. А теперь это зашло слишком далеко. Он уже не мог сказать ей правду.

Она обняла его, клюнула в заросшую щетиной щеку. Он задержал ее, и она заглянула в его усталые, утомленные глаза:

– Не бойся, папа. Я тебя не подведу.

С этими словами она убежала.

У него лишь было время заметить, как крохотный локончик ее темных волос выбился из-за уха.

Иветт Николь нажала кнопку дверного звонка через пятнадцать минут после того, как повесила трубку. Она смущенно стояла на крыльце и оглядывалась.

Квартал был привлекательный, неподалеку магазины и рестораны на рю Бернар. Утремон был зеленым районом, где обитала интеллектуальная и политическая элита французского Квебека. Прежде Николь видела старшего инспектора в управлении, он быстро шел по коридорам, всегда в сопровождении группы полицейских. Он был большой начальник и имел репутацию наставника для людей, которым повезло работать вместе с ним. Николь считала, что и ей повезло.

Гамаш быстро открыл дверь, надел твидовую шляпу и тепло улыбнулся девушке. Он протянул руку, и, мгновение поколебавшись, она пожала ее.

– Я старший инспектор Гамаш.

– Для меня большая честь.

Она открыла для него пассажирскую дверь автомашины без полицейской раскраски, и Гамаш безошибочно уловил запах кофе в бумажных стаканчиках из «Тима Хортон»[12 - Известный в Канаде ресторан быстрого питания.] и еще один аромат. Бриош. Молодой агент выполнила домашнее задание. Кофе из фастфуда он пил, только расследуя очередное убийство. В его мозгу этот кофе настолько прочно был связан с командной работой, долгими часами, стоянием на морозе, влажными полями, что стоило Гамашу почуять этот запах из стаканчика, как сердце у него начинало учащенно биться.

– Я скачала предварительный доклад с места преступления. Распечатка лежит в папке сзади.

Николь махнула рукой в сторону заднего сиденья. Она ехала по бульвару Сен-Дени на шоссе, которое через мост Шамплена уходило за город.

Остальной путь они проделали молча – Гамаш читал скучный отчет, прихлебывал кофе, жевал булочку и смотрел, как фермерские поля смыкаются вокруг Монреаля, потом переходят в холмы, затем в более высокие горушки, деревья на которых щеголяли осенней листвой. Они свернули с центральной магистрали Восточных кантонов на проселочную дорогу и минут через двадцать увидели побитый знак, сообщавший им, что Три Сосны находятся в двух километрах от этой второстепенной дороги. После двух-трех минут зубодробительной езды по грунтовой дороге, похожей на стиральную доску, их

ожидал неизбежный парадокс. У пруда стояла старая каменная мельница, утреннее солнышко грело ее стены из плитняка. Вокруг росли клены, березы, дикая вишня, еще сохранявшие свои хрупкие листья, словно тысячи счастливых рук махали им, радуясь их приезду. И – полицейские машины. Змеи в раю. Впрочем, Гамаш знал, что полиция – это не зло. Змея обосновалась здесь до их приезда.

Гамаш сразу же направился к собравшимся здесь взволнованным людям. Приблизившись, он увидел, что дорога уходит вниз, постепенно вливаясь в живописную деревню. Растущая толпа стояла на кромке холма. Кто-то смотрел в лес, где работали полицейские в ярко-желтых куртках, но большинство глядели на него, на Гамаша. Он видел такое выражение лица бесчисленное количество раз – у людей, отчаянно ждущих новостей, которых они отчаянно не хотят знать.

– Кто это? Вы можете сказать нам, что случилось? – спросил за всех высокий человек благородной наружности.

– Прошу прощения, я еще не был на месте преступления. Как только у меня будет информация, я поделюсь с вами.

Этот ответ не устроил человека, но он кивнул. Гамаш посмотрел на часы: одиннадцать, воскресенье, День благодарения. Он отвернулся от толпы и пошел туда, куда они смотрели, – туда, где в лесу наблюдалось движение и где его ждало одно-единственное место полного покоя.

Участок вокруг тела и работающих с ним полицейских, которые наклонялись словно в каком-то языческом ритуале, был огорожен желтой полицейской лентой. Большинство из агентов работали с Гамашем не первый год, но у него всегда оставалось одно открытое место для стажера.

– Инспектор Жан Ги Бовуар, это агент Иветт Николь.

Бовуар галантно поклонился:

– Добро пожаловать.

В свои тридцать пять Жан Ги Бовуар вот уже более десяти лет был заместителем Гамаша. На нем были вельветовые брюки и шерстяной свитер под кожаной курткой, шея заливчато обмотана шарфом. Вид у него был намеренно небрежный, что гармонировало с его тренированным телом, но входило в противоречие с его напряженным состоянием. При внешней расхлябанности Жан Ги Бовуар был весьма сосредоточен.

– Спасибо, сэр, – ответила Николь и подумала: сможет ли она когда-нибудь почувствовать себя на месте убийства так же легко, как эти люди?

– Старший инспектор Гамаш, это Робер Лемье, – представил Бовуар молодого полицейского, уважительно стоявшего за полицейским кордоном. – Агент Лемье дежурил в полицейском отделении в Кауансвилле. Он принял вызов и немедленно прибыл на место преступления. Огородил его и потом вызвал нас.

– Все правильно, – сказал Гамаш, пожимая руку полицейскому. – Вам ничего не бросилось в глаза, когда вы приехали?

Этот вопрос, похоже, ошарашил Лемье, который надеялся всего лишь, что его не прогонят с места преступления и позволят остаться и наблюдать. Он никак не предполагал, что увидит Гамаша, а уж о том, чтобы отвечать на вопросы, у него и мыслей не было.

– Bien sûr, я тут видел одного человека, англичанина, судя по его одежде и бледному лицу. У англичан, как я замечаю, слабые желудки, – с удовольствием поделился он своим прозрением со старшим инспектором, хотя это откровение только что пришло ему в голову. Лемье понятия не имел, действительно ли англичане более склонны бледнеть, чем истинные франкоязычные квебекцы, но ему такое замечание показалось уместным. И еще он полагал, что англичане не имеют вкуса – одеваются как попало, и этот человек во фланелевой рубашке в клетку никак не мог быть франкоязычным. – Его зовут Бенджамин Хадли.

С другой стороны огороженного лентой участка Гамаш увидел человека средних лет, который сидел, прислонившись спиной к клену. Высокий, худой, он имел очень-очень больной вид. Бовуар проследил за направлением взгляда Гамаша и сказал:

– Это он нашел тело.

– Хадли? Владелец мельницы?

Бовуар улыбнулся. Он понятия не имел, откуда это известно его начальнику, однако Гамаш попал в самую точку.

– Да, это он. Вы с ним знакомы?

– Пока еще нет.

Бовуар поднял брови, в ожидании глядя на шефа, и Гамаш объяснил:

– На мельнице наверху есть выцветшая надпись.

– «Мельница Хадли»?

– У тебя хорошие дедуктивные способности, Бовуар.

– Это просто догадка, сэр.

Николь готова была себя лягнуть. Она ведь все время была вместе с Гамашем, но он заметил эту надпись, а она – нет. Что еще он заметил? И чего не заметила она? Она подозрительно посмотрела на Лемье. Он явно хотел понравиться старшему инспектору.

– Merci, агент Лемье, – сказала она и протянула руку, когда старший инспектор повернулся к ней спиной, разглядывая несчастного «англичанина». Лемье пожал ей руку, как она и рассчитывала, после чего Николь сказала: – Au revoir[13 - До свидания (фр.).].

Лемье несколько секунд постоял неуверенно, переводя взгляд с нее на широкую спину Гамаша. Потом пожал плечами и ушел.

Арман Гамаш переключил внимание с живых на мертвеца. Сделав несколько шагов, он опустился на колени рядом с телом.

На открытые глаза Джейн Нил упал пучок волос, и у Гамаша возникло желание отвести его в сторону. Он понимал, что это прихоть, но ведь он был не лишен прихотливости. Он позволял себе некоторую свободу в этой области. Бовуар же, напротив, являл собой саму рациональность, что делало их команду весьма эффективной.

Гамаш молча смотрел на Джейн Нил, и Николь откашлялась, подумав, что он забыл, где находится. Но он не прореагировал. Не шелохнулся. Он и Джейн замерли во времени, оба уставились перед собой: один – вниз, другая – вверх. Потом Гамаш обвел взглядом тело: поношенный кардиган верблюжьей шерсти, голубая водолазка. Никаких драгоценностей. Может быть, ее ограбили? Нужно будет спросить у Бовуара. Твидовая юбка там, где и должна быть у упавшей женщины. На колготках пятно, но только в одном месте. Возможно, ее ограбили, но насилия совершено не было. Если только не считать насилием убийство.

Его темно-карие глаза остановились на ее руках в старческих пятнах. Это были грубые загорелые руки, не чуравшиеся работы в саду. На пальцах ни колец, ни следа от них. У Гамаша всегда возникало мучительное чувство, когда он смотрел на руки только что умершего человека, представляя себе предметы и людей, к которым эти руки прикасались. Представляя еду, лица, дверные ручки. Представляя все их движения, обозначавшие то грусть, то радость. И последнее движение, сделанное ими при попытке отвести смертельный удар. Самую острую боль вызывали у него руки молодых, которым никогда уже не суждено отвести со своего лба поседевшую прядь.

Он поднялся с помощью Бовуара и спросил:

– Она не была ограблена?

– Мы так не считаем. Мистер Хадли говорит, что никаких драгоценностей она не носила, даже сумочки при ней обычно не было. Он думает, что сумочку мы найдем в ее доме.

– А ключ от дома?

– Нет, не обнаружен. Но опять же, мистер Хадли говорит, что тут никто не запирает дома.

– Теперь будут.

Гамаш посмотрел на тело, на крохотную ранку – даже непонятно было, как такая малость могла убить человека. Размером всего с ноготок мизинца.

– Есть какие-либо предположения, чем нанесена рана?

– Сейчас охотничий сезон. Так что, возможно, это пуля, хотя я таких пулевых ранений в жизни не видел.

– Вообще-то, сейчас разрешена только охота с луками. С огнестрельным оружием – лишь через две недели, – сказала Николь.

Гамаш и Бовуар посмотрели на нее. Гамаш кивнул, и они втроем уставились на ранку, словно усилием воли пытались заставить ее заговорить.

– Где же тогда стрела? – спросил Бовуар.

– А выходная рана есть?

– Не знаю, – ответил Бовуар. – Мы пока не позволяли судмедэксперту ее трогать. – Он показал шефу на молодую женщину в джинсах и камуфляжной куртке с медицинским саквояжем.

– Пригласи ее сюда, – распорядился Гамаш.

– Monsieur l'Inspecteur, – сказала доктор Шарон Харрис, кивая, и опустилась на колени. – Она мертва уже часов пять или чуть меньше. Это пока предположение.

Доктор Харрис перевернула тело. К свитеру убитой прилипли сухие листья. Услышав неприятные звуки, Николь повернулась и увидела Бена Хадли – он стоял спиной к ним, согнувшись, и его рвало.

– Да, вот выходная рана.

– Спасибо, доктор. Мы вас здесь оставляем. Бовуар, идем со мной. И вы тоже, агент Николь. Бовуар, расскажи мне, что тебе известно.

Жан Ги Бовуар много лет проработал с Гамашем, они повидали немало трупов и крови, но каждый раз Бовуар поражался этой простой фразе: «Расскажи мне, что тебе известно». Она означала, что охота началась. Бовуар был альфа-самцом, а старший инспектор Гамаш – егермейстером.

– Убитую зовут Джейн Нил. Возраст – семьдесят шесть. Замужем никогда не была. Это нам сообщил мистер Хадли, который сказал, что убитой было столько же лет, сколько и его матери, умершей месяц назад.

– Любопытно. Две пожилые женщины умирают в течение одного месяца в такой крохотной деревеньке. Возникает вопрос.

– У меня он тоже возник, и я его задал. Его мать умерла после длительной борьбы с раком. Она целый год была на грани жизни и смерти.

– Что еще?

– Мистер Хадли отправился в лес часов в восемь утра – это у него обычный утренний моцион. Тело мисс Нил лежало поперек тропинки. Не заметить его было невозможно.

– И что он сделал?

– Он говорит, что сразу же ее узнал. Он присел и слегка встряхнул ее. Думал, вдруг у нее удар или сердечный приступ. Говорит, уже собирался делать ей искусственное дыхание.

– Он что, не заметил ее остекленевших глаз? И того, что она холодна, как мрамор? – вмешалась Николь, чувствуя себя все более уверенно.

– А вы бы заметили?

– Конечно. Упустить это невозможно.

– Если только...

Гамаш приглашал ее возразить самой себе. Она не хотела этого делать. Она хотела быть правой. Но он, очевидно, думал, что она ошибается.

– Если только... Если только человек не в шоковом состоянии, наверное. – Ей пришлось признать, что такая маловероятная возможность существовала.

– Вы посмотрите на него. Он нашел тело три часа назад, а все еще не может прийти в себя. Его только что вырвало. Эта женщина была важна для него, – сказал Гамаш, глядя на Бена Хадли. – Если только он не прикидывается.

– Прошу прощения, сэр?

– Ну, засунуть два пальца поглубже в рот не так уж трудно. Очень впечатляет. – Гамаш повернулся к Бовуару. – Кому-нибудь еще известно о смерти мисс Нил?

– На дороге стоит толпа местных, сэр, – сказала Николь.

Гамаш и Бовуар посмотрели на нее. Она поняла, что опять совершила ошибку. Пытаясь произвести впечатление и реабилитировать себя за предыдущую неудачу, она на самом деле сделала нечто противоположное. Ответила на вопрос, который был задан не ей, прервала начальника, предложив ему нечто понятное и трехлетнему ребенку. Гамаш, как и она, видел этих людей. Черт! У Николь мурашки поползли по спине, когда она поняла, что, пытаясь поразить их своей сообразительностью, добилась обратного. Выставила себя идиоткой.

– Извините, сэр.

– Инспектор Бовуар?

– Я старался сохранить все в тайне. – Он обратился к Николь: – Посторонних сюда не пускали, а из наших людей никто не говорит о преступлении за периметром.

Щеки Николь покрылись багровым румянцем. Ей не нравилось, что ему пришлось объяснять это ей, а еще больше не нравилось то, что она нуждалась в таком

объяснении.

– Но... – Бовуар пожал плечами.

– Пора поговорить с мистером Хадли, – сказал Гамаш и размеренным шагом направился к нему.

Бен Хадли наблюдал за ними и явно понял, что приехал главный начальник.

– Мистер Хадли, я – старший инспектор Арман Гамаш из Квебекской полиции.

Бен предполагал, что следствие будет вести франкоязычный канадец, возможно даже не владеющий английским, поэтому он несколько минут проговаривал на французском свои ответы на вероятные вопросы. Но вот этот безукоризненного вида человек с аккуратными усами, темно-кариими глазами, глядящими на него поверх оправы полукруглых очков, в костюме-тройке (а этот плащ на нем не от «Берберри»?), в твидовой шляпе, из-под которой видны седеющие волосы, протянул ему большую руку, словно на каком-то официальном приеме, и заговорил на английском с британским акцентом. Однако Бен слышал отрывки его разговора с коллегами – и с ними он говорил на чистом французском. В Квебеке такое встречалось нечасто – чтобы люди говорили на обоих языках да к тому же безукоризненно. Но еще необычнее было встретить франкоязычного канадца, который говорил бы по-английски, как член палаты лордов.

– Это инспектор Жан Ги Бовуар и агент Иветт Николь.

Они обменялись рукопожатиями, хотя Николь слегка замешкалась, видимо не уверенная, чем именно он вытирал лицо, после того как его вырвало.

– Чем могу помочь?

– Прогуляемся в сторонку. – Гамаш показал на дорожку, ведущую в лес.

– Спасибо, – с искренней благодарностью сказал Бен.

– Примите мои соболезнования в связи со смертью мисс Нил. Она была вашим близким другом?

– Очень. Ведь она была моей учительницей.

Гамаш внимательно смотрел на Бена своими темно-кариими глазами, воспринимая его слова без суждений или обвинений. Впервые за несколько часов Бен вздохнул с некоторым облегчением. Гамаш молча ждал продолжения рассказа Бена.

– Она была замечательной женщиной. Жаль, я плохо умею говорить, а то бы я описал ее вам.

Бен отвернулся, стыдясь слез, снова увлажнивших его глаза. Он сжал пальцы в кулаки и почувствовал желанную боль от ногтей, впивающихся в кожу. Такую боль он мог понять. Иная же лежала за пределами его понимания. Странно, но теперь боль была сильнее, чем месяц назад, когда умерла его мать. Он взял себя в руки.

– Я не понимаю, что случилось. Смерть Джейн не была естественной, верно?

– Да, мистер Хадли, не была.

– Ее кто-то убил?

– Расскажите о вашем сегодняшнем утре, пожалуйста.

Их шаги понемногу замедлились, и теперь они совсем остановились.

– Когда я увидел Джейн, она лежала...

Гамаш прервал его:

– Пожалуйста, с того момента, как вы проснулись.

Бен удивленно поднял брови, но начал рассказывать, как его попросили:

– Я проснулся около семи. Всегда встаю вместе с солнцем. Солнечные лучи попадают ко мне в спальню, а занавески на окнах я никогда не задерживаю. Я

поднялся, принял душ, ну и все остальное. Покормил Дейзи.

Он внимательно вглядывался в их лица, пытаясь понять, достаточно ли подробно или, может быть, чересчур подробно рассказывает о событиях утра. Женщина-агент, судя по виду, пребывала в таком же замешательстве, как и он сам. Высокий привлекательный инспектор (Бен уже забыл их имена) записывал за ним. А босс смотрел на него с интересом и поощрительно.

– Потом мы отправились на прогулку, но у нее артрит, и сегодня утром она чувствовала себя неважно. Да, кстати, Дейзи – это собака. Ну, я отвел ее в дом, а сам пошел прогуляться. Было четверть восьмого. – Бен верно решил, что время для них важно. – Чтобы дойти до этого места, нужно всего несколько минут – вверх по дороге, мимо бывшей школы, а затем в лес.

– Вы никого не видели? – спросил Бовуар.

– Нет, не видел. Возможно, кто-то видел меня, но я никого не видел. Я вообще хожу, опустив голову и погрузившись в размышления. Я, бывало, проходил мимо людей, не замечая их. Мои друзья знают об этом и не обижаются. Вот я шел по тропе, и что-то заставило меня поднять голову.

– Пожалуйста, мистер Хадли, попытайтесь вспомнить. Если вы обычно ходите, опустив голову, то что же сегодня заставило вас поднять ее?

– Странно, правда? Не могу вспомнить. Но, как я уже сказал, я, к сожалению, всегда погружен в свои мысли. Ничего глубокого или важного. Моя мать посмеивалась надо мной, говорила, что некоторые пытаются быть в двух местах одновременно, я же – вообще неизвестно где.

Бен рассмеялся, но Николь подумала, что не подобает матери говорить такие вещи в адрес сына.

– Она, конечно, была права. Вот возьмите сегодняшнее утро. Прекрасный восход. Я иду по великолепному лесу. Он как на картинке, но я ничего не замечаю, ничем не восхищаюсь, разве что уже потом, когда я где-то в другом месте вдруг вспомню об этой прогулке. Мой мозг, кажется, всегда на один шаг отстает от тела.

– Почему вы подняли голову, сэр? – напомнил ему Бовуар.

– Даже не представляю, почему я это сделал. Но это было очень кстати, иначе я бы споткнулся о нее. Странно, но мне и в голову не пришло, что она мертва. Мне не хотелось ее тревожить. Я подошел к ней, стараясь не шуметь, и позвал по имени. И тут я отметил эту ее неподвижность, и мой мозг как будто взорвался. Я решил, что у нее удар. Или инфаркт.

Он покачал головой, до сих пор не в силах поверить в случившееся.

– А к ране вы не прикасались? – спросил Бовуар.

– Может, и прикоснулся. Я помню, что вскочил и отер руки о штанины. Я запаниковал и, словно... не знаю, как лучше сказать... словно истерический ребенок, принялся бегать кругами. Идиот! Как бы там ни было, но я взял себя в руки и по сотовому вызвал полицию.

– Любопытно, – сказал Гамаш, – зачем вы берете сотовый на прогулку в лес?

– Этот лес принадлежит моей семье, но каждый год охотники нарушают мое право собственности. К сожалению, я не храбрец, но я не выношу убийства. Все имеет право жить. У меня дома у каждого паука свое имя. Утром, отправляясь на прогулку, я беру с собой телефон. Отчасти из страха, что меня подстрелит какой-нибудь пьяный охотник и нужно будет вызвать помощь, отчасти для того, чтобы позвонить в департамент природных ресурсов и попросить прислать инспектора, если я встречу здесь кого-нибудь.

– И какой у них телефон? – дружелюбно спросил старший инспектор Гамаш.

– Не знаю. Он у меня в быстром наборе. У меня руки дрожат, когда я нервничаю, так что я его запрограммировал туда.

Бен выглядел встревоженным – впервые с начала разговора. Гамаш взял его под руку и повел дальше по тропинке:

– Вы меня извините за эти вопросы. Вы – важный свидетель, и, откровенно говоря, человек, обнаруживший тело, всегда оказывается в числе основных

подозреваемых.

Бен остановился как вкопанный и с недоумением посмотрел на инспектора:

– Подозреваемых в чем? Вы что хотите сказать? – Он повернулся и взглянул в ту сторону, откуда они пришли и где лежало тело Джейн. – Там лежит Джейн Нил. Учительница на пенсии. Она выращивала розы и была главой Общества женщин англиканского вероисповедания. Это может быть только несчастный случай. Вы не понимаете. Никто не стал бы убивать ее намеренно.

Николь слушала их разговор и теперь с удовлетворением ждала, что старший инспектор осадит этого глупца.

– Вы абсолютно правы, мистер Хадли. Это самая вероятная гипотеза.

Иветт Николь не поверила своим ушам. Почему Гамаш не шуганет этого Хадли с его импровизированной трибуны, чтобы они могли поскорее заняться делом? Этот идиот переместил тело, а потом бегал тут кругами, уничтожая следы. Вряд ли такой тип имеет право читать лекции человеку столь высокопоставленному и уважаемому, как Гамаш.

– За те несколько часов, что вы здесь находились, вы не заметили ничего странного касательно этого места или самой мисс Нил?

Гамашу понравилось, что Бен, прежде чем ответить, ненадолго задумался, видимо не желая говорить очевидные вещи.

– Да. Люси. Ее собачка. Не припомню, чтобы Джейн выходила на прогулку без Люси. В особенности утром.

– Вы больше никому не звонили по сотовому?

Бен встрепенулся, будто ему предложили какую-то новую блестящую идею:

– Господи, какой же я идиот! Невероятно. Мне и в голову не пришло позвонить Питеру, Кларе или кому-то еще. Торчал здесь один – не хотел оставлять Джейн, да и полиции нужно было дождаться. Я даже не догадался попросить помощи у

кого-то еще, кроме службы «девять-один-один». Наверное, я был настолько потрясен, что у меня голова не работала.

«А может быть, – подумала Николь, – ты и в самом деле идиот». Судя по всему, трудно было бы найти человеческое существо, более неприспособленное к жизни, чем Бен Хадли.

– Кто такие Питер и Клара?

– Питер и Клара Морроу. Мои лучшие друзья. Они живут рядом с Джейн. Джейн и Клара – они как мать и дочь. Бедняжка Клара. Как вы думаете, они уже знают?

– Давайте выясним, – сказал вдруг Гамаш и на удивление быстро зашагал назад по тропе к телу, а там остановился и сказал Бовуару: – Ты остаешься за старшего. Ты знаешь, что искать. Агент, вы остаетесь с инспектором и будете ему помогать. Который теперь час?

– Одиннадцать тридцать, сэр.

– Так. Мистер Хадли, в деревне есть ресторан или бистро?

– Да, есть бистро у Оливье.

– Собери всю команду у Оливье в час тридцать, – сказал Гамаш Бовуару. – Время ланча уже закончится, и все помещение будет в нашем распоряжении. Я правильно говорю, мистер Хадли?

– Вообще-то, сказать трудно. Когда деревня узнает, они все там соберутся. Бистро Оливье в Трех Соснах – это как Центральный вокзал в Монреале. Но у него есть еще комната, которую он открывает только на обед. Она выходит на реку. Он, наверное, откроет ее для вас и вашей команды.

Гамаш с любопытством посмотрел на Бена:

– Неплохая мысль. Инспектор Бовуар, я загляну туда и поговорю с месье Оливье...

– Оливье Брюле, так его зовут, – вставил Бен. – У него и его партнера Габриэля Дюбо есть это бистро и еще гостиничка.

– Я с ним поговорю и попрошу открыть для нас отдельную комнату на ланч. Вы не проводите меня в деревню, мистер Хадли? Я там еще не был.

– Да, конечно.

Бен чуть было не добавил «С удовольствием», но вовремя остановился. Этот полицейский излучал вежливость и некоторую долю официозности, и ты поневоле отвечал ему тем же. Хотя они были приблизительно одного возраста, у Бена возникло такое ощущение, будто он разговаривает со своим дедушкой.

– А вот и Питер Морроу.

Бен ткнул пальцем в толпу, которая, как по взмаху дирижерской палочки, повернулась в их сторону, когда они вдвоем вышли из леса. Бен указывал на высокого человека с встревоженным лицом – Гамаш уже разговаривал с ним немного ранее.

– Я сейчас расскажу вам то, что могу, – обратился Гамаш к толпе приблизительно человек в тридцать. Он заметил, что Бен подошел к Питеру Морроу и встал рядом с ним. – Имя покойной – Джейн Нил. – Гамаш знал, что не следует смягчать такие удары фальшивыми словесными прокладками.

Кое-кто из собравшихся начал плакать. Некоторые закрыли рты руками, словно это были зияющие раны. Большинство поникло головой, как будто это знание было для них слишком тяжело. Питер Морроу посмотрел на Гамаша, потом на Бена.

Гамаш ничего не упустил. Мистер Морроу не был удивлен. И горя не продемонстрировал. Тревогу – да. Озабоченность – несомненно. Но вот была ли скорбь в выражении его лица?

– Но как? – спросил кто-то.

– Мы пока не знаем. Однако смерть была насильственной.

По толпе пронесся стон, произвольный и скорбный. Только Питер Морроу не издал ни звука.

– А где Клара? – Бен огляделся вокруг. Необычно было видеть их порознь.

Питер мотнул головой в сторону деревни:

– В Святом Томасе.

Трое мужчин нашли Клару в часовне – она сидела с закрытыми глазами, опустив голову. Питер остановился в распахнутых дверях, глядя на ее сгорбленную спину: она словно приготовилась к удару, который должен был обрушиться на нее. Он тихонько прошел по узкому проходу между скамьями с таким ощущением, будто плывет над своим телом и наблюдает за собственными движениями со стороны.

Немногим ранее священник принес новость, что в лесу за зданием прежней школы работает полиция. Беспокойство прихожан нарастало по мере того, как шла служба Дня благодарения. Вскоре крохотная церковь наполнилась шепотками, передающими тревожные слухи о несчастном случае на охоте. Женщина. Ранена? Убита. Ужасно. Ужасно. И в глубине души Клара уже знала, насколько это ужасно. Каждый раз, когда открывалась дверь и внутрь проникали солнечные лучи, она молилась о появлении Джейн: вот она войдет, опоздавшая, и рассыплется в извинениях. «Понимаешь, проспала. Как это глупо. Бедняжка Люси разбудила меня своим визгом – ей давно было пора прогуляться. Извини». Священник либо забыл о случившемся, либо не чувствовал трагедийности ситуации – и продолжал бубнить свое.

Солнце проникало сквозь витражные окна с изображением мальчиков в форме Первой мировой войны, и на сосновом полу и дубовых скамьях играли синие и багряные лучи. В часовне стоял тот же запах, что и в любой другой маленькой церкви, где бывала Клара. Запах обетов, сосны и старых пыльных книг. Когда хор приступил к пению следующего церковного гимна, Клара повернулась к Питеру:

– Ты можешь пойти посмотреть, что там случилось?

Питер взял руку Клары и удивился – она была как ледышка. Он несколько секунд тер ее пальцы.

– Схожу и узнаю. Все будет хорошо. Посмотри на меня, – сказал он, пытаясь отвлечь ее мечущиеся мысли.

«Славь, душа, Господа», – запел хор.

Клара моргнула:

– Все будет хорошо?

– Да.

«Аллилуйя, аллилуйя, славь вечного Бога».

Прошел уже час, и все давно покинули церковь, включая священника, который опаздывал на службу в Клегхорн-Холте. Клара услышала, как открылась дверь, увидела квадрат света в проходе, очертания, знакомые даже в таком преломлении.

Питер постоял немного, а потом медленно направился к ее скамье.

И тогда сомнений у нее не осталось.

Глава третья

Клара сидела в кухне, опустошенная и ошеломленная непреодолимой потребностью забежать к Джейн и рассказать о том, что случилось. А то, что случилось, было совершенно невыносимо. Мир вдруг жестоко лишился Джейн. Лишился этого прикосновения, утешения, доброты. У Клары было такое чувство, будто ее выпотрошили – лишили не только сердца, но и мозга. «И почему мое сердце все еще бьется? – спрашивала себя Клара, глядя на свои аккуратно сложенные на коленях руки. – Я должна забежать к Джейн».

Выйдя из церкви, они, с разрешения Гамаша, взяли золотого ретривера Джейн по кличке Люси, и теперь собака, свернувшись калачиком, лежала у ног Клары, словно переживая свою немыслимую утрату.

Питер ждал, когда закипит чайник, чтобы можно было приготовить чай, и тогда все это пропадет, рассеется. Быть может, говорили его мозг и воспитание, за чаем и разговорами время повернется вспять и все плохое исчезнет. Но он слишком долго прожил с Кларой, и она видела его насквозь, так что все его попытки спрятаться от произошедшего были тщетны. Джейн больше нет. Ее убили. И ему нужно было утешить Клару, сделать так, чтобы все было хорошо. Вот только он не знал как. Обыскав кухонный шкаф – так хирург в военное время торопится найти нужный бинт для перевязки раненого, – Питер отложил в сторону чай «Йоги» и травяную смесь «Гармония», несколько секунд в сомнениях смотрел на ромашку. «Нет-нет, сосредоточься», – сказал он себе. Питер знал: он где-то здесь, этот английский наркотик. И его рука ухватила коробочку как раз в тот момент, когда засвистел чайник. Насильственная смерть требовала «Эрла Грея». Наливая кипяток в заварной чайник, он посмотрел в окно и тут же почувствовал на руке обжигающие капли. На скамье посреди деревенского луга сидел в одиночестве старший инспектор Гамаш. Он вроде бы кормил птиц, но Питер тут же решил, что этого не может быть, и вернулся к важному занятию – приготовлению чая.

Арман Гамаш сидел на скамье и смотрел на птиц, но главным образом оглядывал деревню. Жизнь в деревне Три Сосны на его глазах замедлилась. Кипение, бурление, энергия поутихли. Голоса стали звучать тише, походки замедлились. Гамаш сидел и делал то, что умел лучше всего – наблюдал. Разглядывал людей, их лица, фиксировал действия, а если до него доносились звуки голосов, брал на заметку их слова, хотя он, сидя на деревянной скамейке посреди травы, находился довольно далеко от них и слышал лишь отдельные слова. Он замечал, кто огорчен, а кто – нет. Кто обнимается, кто обменивается рукопожатием. Отмечал, у кого красные глаза, а кто ведет себя так, будто ничего и не случилось.

На дальнем конце луга росли три громадные сосны. Между Гамашем и соснами находился пруд, и несколько мальчишек в свитерах возились у воды – наверное, ловили лягушек. Деревенский луг находился, естественно, в центре деревни, его опоясывала улица под названием Общественная, застроенная жилыми домами, и только за спиной у Гамаша, похоже, располагался коммерческий квартал

деревни. Очень маленький квартал. Насколько успел заметить Гамаш, весь квартал состоял из *depanneur*[14 - Гастроном (фр.)] (вывеска с логотипом пепси гласила «Беливо»), *boulangerie*[15 - Магазин, пекарня (фр.)], бистро и книжного магазина. От Общественной улицы отходили четыре второстепенные, словно спицы колеса или указатели стран света на компасе.

Гамаш сидел, наблюдал за жизнью в деревне и вдруг понял, как она прекрасна с ее старыми, выходящими на луг домами и их многолетними садами и деревьями. Каким естественным и безыскусным все было, и пелену горя, опустившуюся на это маленькое сообщество, люди несли с достоинством, скорбью и некоторой долей фамиллярности. Эта деревня была старой, а старости всегда знакома скорбь. И утрата.

– Говорят, завтра ожидается дождь.

Гамаш поднял голову и увидел Бена со старой и – судя по запаху – разлагающейся собакой на поводке.

– Неужели? – Гамаш показал на место рядом с собой, и Бен сел, а Дейзи благодарно рухнула рядом с ним.

– Начнется утром. И похолодает.

Несколько мгновений они посидели молча.

– Вон там дом Джейн. – Бен показал на маленький каменный коттедж слева от них. – А дом неподалеку принадлежит Питеру и Кларе.

Гамаш перевел взгляд: этот дом был немногим больше, чем дом Джейн, и если ее был построен из плитняка, то этот – из красного кирпича в стиле, известном как «лоялист». Вдоль фасада шла простая деревянная веранда, на которой стояли два плетеных кресла-качалки. Рядом с дверью он увидел окно, и еще два – на втором этаже с жалюзи, покрашенными в теплый темно-голубой цвет. В аккуратном садике перед домом росли розы, многолетники и фруктовые деревья. «Кажется, райские яблоки», – подумал Гамаш. Несколько деревьев, в основном кленов, разделяли дом Джейн Нил и дом Морроу. Впрочем, теперь их разделяло нечто большее, чем деревья.

– А это мой дом, – сказал Бен, показывая на привлекательный старый особняк, обитый вагонкой, покрашенной в белый цвет. Внизу у дома была пристроена веранда, а наверху имелись три спальни. – Но я думаю, что вон тот дом наверху тоже принадлежит мне. – Он неопределенно махнул в сторону неба.

Гамаш решил, что Бен говорит метафорически или даже метеорологически. Потом его глаза с пушистых облачков опустились на крышу дома, прилепившегося к склону холма, по которому проходила дорога, ведущая из Трех Сосен.

– Мы владеем этим домом вот уже несколько поколений. Там и моя мать жила.

Гамаш не знал, что на это ответить. Он видел такие дома и раньше. Много раз. Они, как это стало известно Гамашу во время его учебы в Колледже Христа в Кембридже, назывались викторианскими махинами. Довольно живописное название. И Квебек, в первую очередь Монреаль, имел свою долю махин, построенных шотландскими баронами-разбойниками на деньги, заработанные на строительстве железных дорог, алкоголе и банковском деле. Эти дома держались на гордыне, а это не очень надежная опора, и многие из них разрушились уже много лет назад или были подарены Университету Макгилла, которому еще один викторианский монстр требовался не больше, чем вирус Эбола. Бен с любовью смотрел на свой дом.

– И вы переедете в большой дом?

– О да. Только там придется поработать. Некоторые его части просто как из фильма ужасов. В жутком состоянии.

Бен вспомнил, как он рассказывал Кларе о тех временах, когда они с Питером играли в войну в подвале и натолкнулись на змеиное гнездо. Он никогда не видел, чтобы человек зеленел, а вот Клара позеленела.

– А деревня названа по этим трем соснам? – Гамаш посмотрел на деревья посреди луга.

– Так вы не знаете эту историю? Эти три сосны – они не те, что были вначале. Им всего шестьдесят лет. Моя матушка помогала их сажать, когда была еще ребенком. Но сосны там росли и в момент основания деревни, более двухсот лет

назад. И всегда три штуки. Три Сосны.

– Но почему? – Гамаш с интересом посмотрел на Бена.

– Это такой символ. Для лоялистов Объединенной империи[16 - Лоялистами в Канаде называют американцев, оставшихся преданными английскому королю после американской революции. Немалая часть лоялистов переселилась в Канаду, сохранившую верность английской короне.]. Только они тут и живут, если, конечно, не считать абенаков[17 - Абенаки – индейское племя, обитающее на территории США и Канады.].

Гамаш обратил внимание, что Бен в своем объяснении словно и не заметил тысячи лет обитания в этих местах коренных американцев.

– Но мы всего в нескольких километрах от границы со Штатами. Когда во время Войны за независимость люди, сохранившие верность короне, бежали на север, они не знали, где граница, где можно обосноваться в безопасности. Поэтому был придуман такой знак. Три сосны рядом означали, что здесь будут рады лоялистам.

– Mon Dieu, c'est incroyable[18 - Боже мой, это просто невероятно (фр.).]. Так изящно. Так просто, – сказал Гамаш, на которого это и в самом деле произвело впечатление. – Но почему я об этом ничего не знаю? Я интересуюсь историей Квебека, но ничего подобного не слышал.

– Может, англичане хотят сохранить это в тайне – вдруг нам опять понадобится.

По крайней мере, Бену хватило воспитания покраснеть, когда он сказал это. Гамаш повернулся и посмотрел на этого высокого человека: тот привычно сутулился, его длинные чувствительные пальцы свободно держали поводок собаки, которая была просто не в силах от него убежать.

– Вы это серьезно?

– Результаты последнего референдума о суверенитете[19 - Имеется в виду референдум об отделении франкоязычной части Канады от англоязычной.] подошли, как вам известно, к опасной черте. И кампания временами велась

просто отвратительно. Не всегда приятно чувствовать себя меньшинством в собственной стране, – сказал Бен.

– Я могу это понять, но даже если Квебек отделится от Канады, неужели вы будете чувствовать в этом какую-то угрозу для себя? Вы же знаете, что ваши права будут защищены.

– Знаю ли? Будет ли у меня право выставить вывеску на моем родном языке? Или работать только на английском? Нет. Язык для меня установит полиция. The Office de la Langue Française[20 - Квебекский департамент французского языка (фр.). Учреждение, организованное правительством провинции Квебек и занимающееся регулированием правил употребления французского языка в Квебеке с целью придать ему статус единственного официального.]. Я подвергаюсь дискриминации. С этим даже Верховный суд согласен. Я хочу говорить по-английски, старший инспектор.

– Вы и говорите по-английски. Как и я. Как и мои подчиненные. Нравится вам это или нет, мистер Хадли, но англичан в Квебеке уважают.

– Не всегда и не все.

– Верно. И полицейских тоже не все уважают. Такова жизнь.

– Вас не уважают из-за прошлых дел. Из-за того, что Квебекская полиция делала прежде. А нас не уважают просто за то, что мы англичане. Это не одно и то же. Вы хоть представляете, как изменилась наша жизнь за последние двадцать лет? Скольких прав мы лишились? Сколько наших друзей, соседей, родственников уехали из-за принятых драконовских законов? Моя мать почти не говорила по-французски. А вот я двуязычный. Мы стараемся, инспектор, но нас, англичан, выставляют на посмешище. Винят во всех грехах. Называют t?te carree[21 - Квадратноголовые (фр.). Презрительное прозвище английского меньшинства в Квебеке.]. Нет. – Бен Хадли кивнул в сторону трех мощных сосен, едва покачивающихся на ветру. – Я верю в личности, а не в коллективы.

«В этом заключается одно из главных различий между англоязычными и франкоязычными квебекцами, – подумал Гамаш. – Англичане верят в права индивида, а французы чувствуют, что должны защищать коллективные права. Защищать свой язык и культуру».

Это был старый и подчас горький спор, правда редко влияющий на отношения между людьми. Гамаш вспомнил напечатанную несколько лет назад в «Монреаль газетт» статью одного колумниста, который заметил, что Квебек действует в реальности, а не на бумаге.

– Ситуация меняется, месье Хадли, – мягко сказал Гамаш, надеясь снять напряжение, сгустившееся над их скамейкой.

Англо-французский спор в Квебеке был поляризующей силой. Гамаш подумал, что лучше оставить его политикам и журналистам, которым больше нечего делать.

– Ой ли, старший инспектор? Неужели мы и в самом деле становимся более цивилизованными? Более толерантными? Менее склонными к насилию? Если бы что-то менялось, вы бы не приехали сюда сегодня.

– Вы говорите о смерти мисс Нил? Думаете, это было умышленное убийство? – Сам Гамаш склонялся именно к этому.

– Нет, не думаю. Но я знаю, что, кто бы ни сделал это с ней, он так или иначе замышлял убийство сегодня утром. По меньшей мере убийство невинного оленя. Это не цивилизованное действие. Нет, инспектор, люди не меняются. – Бен опустил голову и принялся перебирать поводок пальцами. – Может быть, я и ошибаюсь. – Он посмотрел на Гамаша и обезоруживающе улыбнулся.

Гамаш разделял чувства Бена относительно охоты, но насчет людей никак не мог с ним согласиться. В любом случае разговор получился откровенный, а в этом и состояла его работа – вызывать людей на откровенность.

Он был занят все два часа, прошедшие с тех пор, как он покинул Бовуара. Он прошел с Питером Морроу и Беном Хадли в церковь, где Питер сообщил жене о смерти Джейн. Гамаш наблюдал, стоя в стороне у двери: ему было важно увидеть ее реакцию, а вмешиваться он не хотел. Он вышел из церкви и вместе с мистером Хадли направился назад.

У входа в эту очаровательную деревню Гамаш оставил Бена Хадли и зашел в бистро. Найти его было легко по голубым и белым навесам и круглым

деревянными столами и стульями на тротуаре при входе. Несколько человек попивали кофе, глядя, как старший инспектор приближается по дороге.

Когда его глаза привыкли к освещению в бистро, он увидел не один большой зал, как предполагал, а два, каждый со своим камином, в которых весело потрескивали поленья. Он увидел разнородные старинные столы и стулья. Перед несколькими столиками стояли кресла, обитые старинной выцветшей материей. Каждая вещь словно находилась здесь с самого начала. Гамаш и сам нередко покупал антикварные вещи, а потому умел отличать плохое от хорошего и понимал, что буфет в углу с резьбой в виде алмазных граней, в котором были выставлены тарелки и столовые приборы, – вещь довольно редкая. В дальнем конце этого зала на длинной деревянной стойке стоял кассовый аппарат. Вазочки с лакричными трубочками и булочками, коричневыми палочками и яркими мармеладными мишками стояли в ряд с порционными коробочками с воздушными хлопьями.

За двумя этими залами французские двери явно выходили в отдельную столовую – ту комнату, о которой говорил Хадли.

– Что для вас? – спросила у него на идеальном французском крупная молодая женщина с нездоровым цветом лица.

– Я бы хотел поговорить с хозяином. Кажется, Оливье Брюле.

– Если вы присядете, я его позову. Хотите пока кофе?

В лесу было прохладно, и мысль о *café au lait* перед горящим камином показалась очень привлекательной. А еще не помешала бы пара лакричных трубочек. В ожидании мистера Брюле и кофе Гамаш пытался сообразить, что такого необычного в этом милом бистро. Что-то здесь было чуточку не так.

– Извините, что беспокою вас, – раздался хриловатый голос над его головой.

Он вскинул глаза и увидел пожилую женщину с коротко стриженными седыми волосами. Женщина опиралась на корявую трость. Гамаш поднялся на ноги и только тут понял, что женщина выше, чем ему показалось сначала. Даже сгорбленная, она была почти одного с ним роста. И он подумал, что она вовсе не такая хрупкая, какой выглядит.

Арман Гамаш слегка поклонился и показал на другой стул за его маленьким столом. Женщина не сразу, но все же села на едва гнущихся ногах.

– Меня зовут Рут Зардо. – Говорила она громко и медленно, как с глухим ребенком. – Это правда? Джейн мертва?

– Да, мадам Зардо. Примите мои соболезнования.

И тут в бистро раздался звук, такой неожиданный и громкий, что Гамаш подскочил на месте. Ни один из других клиентов, как он отметил, и бровью не повел. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что это Рут Зардо с силой ударила тростью об пол, словно пещерный человек опустил на чью-то голову свою дубинку. Гамаш и прежде видел, как люди постукивают тростью об пол, привлекая к себе внимание, и обычно это приносило плоды. Но Рут Зардо взяла свою трость за конец и быстрым и явно заученным движением со всего маху грохнула об пол закругленной рукоятью:

– И что вы здесь сидите, если Джейн лежит мертвая в лесу? Что вы за полиция такая? Кто убил Джейн?

В бистро мгновенно воцарилась тишина, но спустя несколько секунд приглушенный разговор возобновился. Арман Гамаш выдержал высокомерный взгляд старухи, не сводя с нее задумчивых глаз. Потом наклонился к ней через стол и заговорил так, чтобы слышала только она. Рут, решив, что он сейчас назовет ей имя убийцы, тоже подалась к нему.

– Рут Зардо, мой долг найти того, кто убил вашего друга. И я сделаю это. Сделаю это так, как считаю нужным. Я не позволю себя третировать, не позволю относиться ко мне неуважительно. Это мое расследование. Если вы хотите сказать или спросить что-либо, то я вас слушаю. Но больше никогда не кидайте вашу трость в моем присутствии. И никогда не смейте разговаривать со мной таким образом.

– Как я смею! Этот полицейский явно по уши в работе. – Рут поднялась, и ее голос зазвучал громче. – Я не должна тревожить то лучшее, что может предложить Квебекская полиция.

Гамаш спросил себя, в самом ли деле Рут Зардо считает, что ее сарказм принесет какие-то плоды. Он не понимал, почему она вообще заняла такую позицию.

– Миссис Зардо, что для вас? – спросила молодая официантка, будто ничего особенного и не случилось.

А может, это просто была передышка.

– Виски, пожалуйста, Мари, – неожиданно спокойно сказала Рут и снова села. – Извините меня. Виновата.

Гамашу показалось, что она из тех людей, которые привычны к извинениям.

– Полагаю, я могла бы объяснить свое плохое поведение смертью Джейн, но вы скоро узнаете, что я такая и есть. У меня нет умения выбирать правильные битвы. Сама жизнь представляется мне сплошной битвой. От начала до конца.

– Значит, мне следует ожидать продолжения?

– О, я думаю, да. Но в вашем окопе у вас будет своя компания. И я обещаю больше не бросаться тростью. По крайней мере, вблизи вас.

Арман Гамаш откинулся на спинку стула, и в этот момент принесли виски и его *safe au lait* с конфетами. Он взял конфеты и со всем достоинством, на какое был способен, спросил Рут:

– Трубочку, мадам?

Рут взяла ту, что побольше, и тут же откусила красный кончик.

– Как это случилось? – спросила она.

– Похоже на несчастный случай на охоте. Но может, вы знаете кого-нибудь, кто желал бы смерти вашему другу?

Рут рассказала Гамашу о мальчишках, кидавшихся пометом, а когда она закончила, Гамаш спросил:

– Зачем, по-вашему, этим мальчишкам было ее убивать? Я согласен, их поступок заслуживает порицания, но она ведь уже назвала их имена, так что предотвратить это они не могли. Какой в этом смысл?

– Месть? – предположила Рут. – Когда ты в таком возрасте, тот, кто заставил тебя пережить унижение, заслуживает смертной казни. Да, они пытались унизить Оливье и Габри, но это обернулось против них. А хулиганье не любит, когда им платят той же монетой.

Гамаш кивнул. Такое было возможно. Но если ты не сумасшедший, то месть должна иметь другую форму, не похожую на хладнокровное убийство.

– Вы давно знали миссис Нил?

– Мисс. Она никогда не была замужем, – сказала Рут. – Хотя однажды это едва не случилось. Как его звали? – Она полистала записную книжку в своей голове. – Энди. Энди Зелчак. Нет. Зел... Зел... Зелински. Андреаш Зелински. Давно это было. Лет пятьдесят назад. Или больше. Теперь это уже не имеет отношения к делу.

– Прошу вас, расскажите мне об этом, – попросил Гамаш.

Рут кивнула и с отсутствующим видом принялась раскручивать виски в стакане тупым кончиком лакричной трубочки.

– Энди Зелински был лесорубом. Сто лет назад здесь, на холмах, много леса рубили. Теперь все эти работы прекращены. Энди работал на «Мон-Эко» у «Томпсон оперейшн». Дровосеки – ребята грубые. Всю неделю работают в горах, спят не раздеваясь в плохую погоду и когда медведи не в спячке, а мошка, наверное, их с ума сводит. Они обмазывали себя медвежьим жиром, чтобы отвадить насекомых. Они больше боялись мошки, чем медведей. На выходные выходили из леса грязные как черти.

Гамаш слушал внимательно, с искренним интересом, хотя и без уверенности, что это имеет какое-то отношение к его расследованию.

– Но Кей Томпсон работала иначе. Не знаю, как она это делала, но она как-то умела подчинять себе этих громил. Никто не смел возражать Кей, – восхищенно сказала Рут. – Энди Зелински дослужился до бригадира. Он был прирожденным руководителем. Джейн в него влюбилась, хотя должна признать, что многие из нас на него поглядывали. Эти огромные руки, грубое лицо...

Гамаш чувствовал, как он сам по мере ее рассказа отступает, уходит назад во времени.

– Он был громадный, но нежный. Нет, «нежный» не то слово. Порядочный. Он мог быть крутым, даже жестоким. Но не злобным. И он был чистым. От него пахло, как от мыла «Айвори». Он приходил в городок вместе с другими лесорубами с делянки, и они отличались от других, потому что не воняли терпким медвежьим жиром. Видимо, Кей отскребала их щелоком.

Гамаш подумал о том, как низко, видимо, стояла планка, если для того, чтобы быть привлекательным для женщины, достаточно было, чтобы от тебя не несло разлагающимся медведем.

– На первом танце ярмарки Энди выбрал Джейн. – Рут помолчала, вспоминая. – Все никак не могу понять, – сказала она. – Джейн была очень милая и все такое. Мы все ее любили. Но если откровенно, она была уродлива как смертный грех. Похожа была на козу.

Рут громко рассмеялась придуманному ею образу. Так оно и было. Лицо молоденькой Джейн было вытянуто вперед, будто хотело дотянуться до чего-то, нос удлинялся, подбородок утончался. А еще она была близорукая, хотя ее родители не желали признавать, что произвели на свет не идеальное дитя, и поэтому игнорировали ее близорукость. Это только подчеркивало ее пристальный взгляд, голова Джейн вытягивалась за пределы шеи в тщетной попытке сфокусировать мир перед глазами. На ее лице вечно было такое выражение, будто она спрашивала: «Это съедобно?» К тому же молодая Джейн была пухленькая. И такой оставалась всю жизнь.

– По какой-то необъяснимой причине Андреаш Зелински выбрал ее. Они танцевали целый вечер. Ну и зрелище это было. – Голос Рут стал жестким.

Гамаш попытался представить, как молодая Джейн, низенькая, чопорная, толстенькая, танцует с громадным мужчиной, с этой горой мускулов.

– Они влюбились друг в друга, но об этом дознались ее родители и запретили ей встречаться с ним. Это вызвало немалый шум. Джейн была дочерью главного бухгалтера лесопилки Хадли. Чтобы она вышла замуж за лесоруба – да не бывать этому!

– И что случилось? – не сдержался Гамаш.

Рут посмотрела на него, словно удивляясь, что он все еще здесь:

– Так ведь Энди умер.

Гамаш посмотрел на нее с удивлением.

– Нет, тут не было никакой уголовной подоплеки, инспектор Клузо[22 - Старший инспектор Жак Клузо – кинематографический комедийный персонаж, герой серии «Розовая пантера»].], – сказала Рут. – Несчастный случай в лесу. На него упало дерево. Куча свидетелей. Такое постоянно случалось. Хотя в то время сложилось романтическое представление, что он стал преднамеренно беспечным, потому что его сердце было разбито. Ерунда. Я его тоже знала. Она ему нравилась, – возможно, он даже любил ее, но сумасшедшим он не был. Нас всех, случается, бросают, но мы же не кончаем с собой. Нет, это был просто несчастный случай.

– И что сделала Джейн?

– Уехала учиться. Вернулась два года спустя с дипломом учителя и стала преподавать в здешней школе. Школьный дом номер шесть.

Гамаш увидел тень подле своей руки и поднял глаза. Рядом с ним стоял человек лет тридцати пяти. Светловолосый, аккуратный, хорошо одетый на небрежный манер, точно из каталога «Лэндс Энд»[23 - «Лэндс Энд» – название

американской торговой сети, специализирующейся на повседневной одежде.]. Несмотря на усталость, он всем своим видом давал понять, что готов помочь.

– Извините, что задержался. Я Оливье Брюле.

– Арман Гамаш, старший инспектор отдела по расследованию убийств Квебекской полиции.

Незаметно для Гамаша Рут округлила глаза. Она недооценила этого человека. Назвала его инспектором Клузо – и это было единственное оскорбление, которое она помнила. Когда Гамаш договорился о ланче, Оливье спросил у Рут:

– Как дела? – и слегка прикоснулся к ее плечу.

Она поморщилась, словно ее обожгло:

– Неплохо. Как Габри?

– Неважно. Ты же знаешь Габри, он такой ранимый.

Да что говорить, Оливье иногда думал, что Габри родился вывернутым наизнанку.

До ухода Рут Гамаш выслушал ее краткий рассказ о жизни Джейн. Записал имя ее ближайшей родственницы. Племянница по имени Йоланда Фонтейн, агент по торговле недвижимостью, работает в окрестностях Сен-Реми. Он посмотрел на часы – 12.30. До Сен-Реми было минут пятнадцать езды. Наверное, можно успеть, решил он. Полез в карман за бумажником, но тут увидел уходящего Оливье и подумал, что сумеет одним выстрелом убить двух зайцев.

Снимая плащ и шляпу с вешалки, он увидел на одном из крючков маленькую белую бирку. Она здесь явно была не на месте. Гамаш повернулся, натягивая плащ, и посмотрел на столы, стулья, зеркала и все другие антикварные вещи в бистро. На всем были бирки. Это был магазин. Тут все продавалось. Ты мог съесть круассан и купить тарелку. Гамаш почувствовал, как на него накатила приятная волна, когда он разгадал эту загадку. Несколько минут спустя он сидел в машине Оливье и направлялся в Реми. Убедить Оливье подвезти его

было нетрудно. Оливье сам рвался помочь.

– Дождь собирается, – сказал Оливье, ведя машину по грунтовой дороге.

– А завтра ожидается похолодание, – добавил Гамаш.

Оба молча закивали. Через два-три километра Гамаш спросил:

– Какой она была, мисс Нил?

– Я просто не могу поверить, что кто-то ее убил. Она была замечательная. Мягкая, добрая.

Оливье бессознательно поставил знак равенства между образом жизни человека и его смертью. Гамаш это всегда подмечал. Люди почти все без исключения предполагали, что если ты добрый человек, то не должен умереть насильственной смертью, а убивают только тех, кто это заслужил. Почти в любом человеке жило тайное убеждение, что жертва убийства сама на это каким-то образом напросилась. А поэтому весть о том, что кто-то добрый и хороший стал жертвой убийства, воспринималась как шок. Возникало ощущение, что произошла какая-то ошибка.

– Я никогда не встречал человека безупречно доброго и хорошего. Неужели у нее не было никаких недостатков? Может быть, она кого-то погладила против шерсти?

Последовала долгая пауза, и Гамаш даже подумал было, что Оливье забыл его вопрос. Но Арман Гамаш ждал. Он был человеком терпеливым.

– Мы с Габри живем здесь только двенадцать лет. А до этого я ее не знал. Но должен честно сказать: никогда ничего плохого о Джейн я не слышал.

Они приехали в Сен-Реми. Гамаш немного знал этот городок – катался здесь на лыжах с горы, когда дети были маленькие.

– Прежде чем вы пойдете, хотите, я расскажу вам о ее племяннице Йоланде?

Гамаш обратил внимание на энтузиазм в голосе Оливье. Ему явно было что рассказать. Но с этим не стоило спешить.

– Не теперь. Лучше по пути назад.

– Отлично.

Оливье припарковал машину и показал на офис фирмы по продаже недвижимости в здании небольшого торгового центра. Если Уильямсбург был стыдливо притягателен своей стариной, то Сен-Реми был всего лишь обычным старым городком. Построенный без всякой планировки, без всякого замысла, этот рабочий городок казался более реальным, чем гораздо более красивый Уильямсбург, главный город в округе. Они договорились встретиться в машине в четверть второго. Гамаш отметил, что, хотя у Оливье на заднем сиденье лежали какие-то вещи, машину он не закрыл – просто ушел, оставив двери незапертыми.

У дверей старшего инспектора Гамаша встретила светловолосая женщина с широкой улыбкой на лице.

– Месье Гамаш, меня зовут Йоланда Фонтейн.

Она протянула руку, и не успел Гамаш протянуть свою, как она уже пожала ее. Он почувствовал, что ее опытные глаза оглядывают его, оценивают. Перед отъездом из Трех Сосен он позвонил ей, чтобы убедиться, что она в офисе, и теперь он или его плащ произвели надлежащее впечатление.

– Прошу вас, присаживайтесь. Вас какая недвижимость интересует? – Йоланда Фонтейн показала ему на чашеобразное кресло с оранжевой обивкой.

Гамаш вытащил свое удостоверение, положил его на стол, и улыбка сошла с ее лица.

– Что еще натворил этот чертов ребенок? Tabarnacle[24 - Здесь: канадско-французское ругательство.]. – Ее безупречный французский исчез, она заговорила на уличном французском, гнусавом и резком, слова в котором были будто обсыпаны песком.

– Ничего, мадам. Джейн Нил из Трех Сосен – ваша тетушка?

– Да. А что?

– К сожалению, я привез вам плохие новости. Ваша тетушка сегодня утром была найдена мертвой.

– Не может быть, – ответила она, вкладывая в эти слова столько же эмоций, сколько проявляет человек, обнаружив пятно на футболке. – Сердце?

– Нет. Она умерла насильственной смертью.

Йоланда Фонтейн уставилась на него, пытаясь постичь услышанное. Она явно понимала значение отдельных слов, но все вместе они были лишены смысла.

– Насильственной? Что это значит?

Гамаш посмотрел на женщину, сидящую перед ним: маникюр, светлые волосы взбиты и уложены, косметика на лице, словно она в полдень собралась на бал. По виду ей было лет тридцать с небольшим, но косметика странным образом старила ее – возникало впечатление, что ей под пятьдесят. Она не производила впечатление человека, живущего естественной жизнью.

– Ее тело нашли в лесу. Она была мертва.

– Убийство? – прошептала Йоланда.

– Мы точно не знаем, – возможно, несчастный случай. Насколько я понимаю, вы ее ближайшая родственница. Верно?

– Да. Моя мать была ее младшей сестрой. Она умерла от рака груди четыре года назад. Они были очень близки. Вот так.

Йоланда попыталась перекрестить пальцы, но длинные ногти цеплялись друг за друга, словно в марионеточной версии «Борьбы всех звезд»[25 - «Борьба всех звезд» – рекламная кампания, проводимая с целью пропаганды спортивной борьбы.]. Она сдалась и внимательно посмотрела на Гамаша:

– Когда я смогу попасть в дом?

– Простите?

– В Трех Соснах. Тетушка Джейн всегда говорила, что завещала дом мне.

За свою жизнь Гамаш повидал немало горя, и люди реагировали на него по-разному. Его собственная мать, проснувшись рядом с умершим ночью пятидесятилетним мужем, в первую очередь позвонила парикмахеру, чтобы отменить назначенную встречу. Гамаш не судил людей по тому, как они реагируют на скорбную новость. И все же этот вопрос показался ему странным.

– Не знаю. Мы там пока еще не были.

Йоланда заволновалась:

– Знаете, у меня есть ключ. Могу я поехать и навести там порядок, прежде чем вы войдете?

Он задумался на секунду: наверное, такова и должна быть нормальная реакция агента по продаже недвижимости.

– Нет.

Выражение лица Йоланды стало жестким, она покраснела, как ее ногти. Эта женщина не привыкла слышать «нет». И еще она не умела владеть собой.

– Я звоню моему адвокату. Этот дом принадлежит мне, и я не даю вам разрешения входить в него. Вам ясно?

– Если уж речь зашла об адвокатах, вы, случайно, не знаете, услугами какого адвоката пользовалась ваша тетушка?

– Стикли. Норман Стикли. – Голос ее звучал ломко. – Мы тоже время от времени пользуемся его услугами, когда нужно переводить деньги за недвижимость в районе Уильямсбурга.

– Вы не дадите мне его координаты?

Пока она своей когтистой рукой записывала для него адрес адвоката, Гамаш огляделся и заметил, что некоторые пункты в списках, висевших на доске «Продается», извещали о продаже наследственных владений – прекрасных, обширных семейных домов. Большинство предложений по продаже были довольно скромными. Йоланда продавала немало кондоминиумов и трейлеров. Что ж, кто-то должен был продавать и их, и, вероятно, для этого требовался куда более искушенный продавец, чем для продажи дома, построенного сто лет назад. Но чтобы сводить концы с концами, нужно продавать много трейлеров.

– Прошу. – Она пододвинула к нему бумажку. – Мой адвокат позвонит вам.

Оливье уже ждал Гамаша в машине.

– Я опоздал? – спросил Гамаш, посмотрев на часы: они показывали 1.10.

– Да нет. Даже немного раньше пришли. А мне нужно было прикупить лука к обеду. – В машине стоял отчетливый и довольно приятный запах. – И, откровенно говоря, я не думал, что разговор с Йоландой займет у вас много времени. – Оливье улыбнулся, трогаясь с места. – И как оно прошло?

– Не совсем так, как я предполагал, – признал Гамаш.

Оливье отрывисто хохотнул:

– Эта наша Йоланда – та еще штучка. Она там не рыдала истерически?

– Вообще-то, нет.

– Сюрприз. А я думал, что на публике, да к тому же в присутствии полиции, она вовсю разыграет свою роль единственной наследницы. Она всегда предпочитает внешний эффект реальному положению дел. Я даже не знаю, понимает ли она вообще, что такое реальность, настолько она занята созданием собственного образа.

– Какого образа?

– Успешного. Ей необходимо выглядеть счастливой и успешной женой и матерью.

– А разве не так же хотим выглядеть мы все?

Тут Оливье смерил его лукавым и открыто гейским взглядом. Гамаш встретился с ним глазами и только теперь понял, что сказал. Он поднял брови, укоризненно глядя на Оливье, и тот снова рассмеялся.

– Я хотел сказать, – улыбнулся Гамаш, – что у нас у всех имеется некий образ на публику.

Оливье кивнул. Так оно и есть. В особенности в гей-сообществе, где ты должен быть веселым, умным, циничным и, самое главное, привлекательным. Если ты все время хмуришься, это раздражает. Это была одна из причин, по которым он уехал за город. Он чувствовал, что в Трех Соснах может попытаться быть самим собой. Вот только он никак не думал, что ему потребуется немало времени, чтобы понять, кто же он такой на самом деле.

– Вы правы. Но в случае с Йоландой, как мне кажется, это гораздо глубже. Она как голливудская штучка. Фальшивый фасад – и полная пустота и уродство внутри. Легковесность.

– А ее отношения с мисс Нил?

– Они явно были довольно близки в детстве Йоланды, но потом случилась какая-то размолвка. Понятия не имею, что это было. Йоланда всех отфутболивает, но, вероятно, это было что-то серьезное. Джейн даже отказывалась видеть Йоланду.

– Правда? Почему?

– Понятия не имею. Возможно, Клара знает. Тиммер Хадли наверняка могла бы вам сказать, но она умерла.

Опять это совпадение: смерть Тиммер в такой близости от смерти самой Джейн.

– И тем не менее Йоланда Фонтейн, похоже, думает, что мисс Нил все свое состояние завещала ей.

– Может, и так. Для некоторых родственные узы важнее всего.

– Мне показалось, что ей очень важно попасть в дом покойной до того, как туда войдем мы. Вы что-нибудь можете сказать по этому поводу?

Оливье задумался:

– Не знаю. Сомневаюсь, что кто-то может ответить на этот вопрос, потому что никто не бывал в доме Джейн.

– Как-как? – Гамашу показалось, что он ослышался.

– Забавно, я к этому так привык, что даже забыл вам сказать. Да. Это единственный бзик, какой был у Джейн. Она пропускала нас в прихожую и кухню, но дальше кухни никто и никогда в дом не проходил.

– Но Клара, наверное...

– Даже Клара. И Тиммер там не бывала. Никто.

Гамаш сделал себе заметку на память: заняться этим в первую очередь после ланча. Когда они приехали, у него еще оставалось несколько минут, и Гамаш устроился на скамеечке в центре луга, откуда наблюдал, как деревня Три Сосны живет и как она встречает смерть. Бен присоединился к нему на несколько минут, а потом потащил Дейзи домой. Перед тем как отправиться в бистро, Гамаш еще раз перебрал в памяти все, что удалось установить к настоящему времени, поразмышлял о том, кому могло понадобиться убивать доброту.

Бовуар уже установил в отдельной комнате Оливье большую стойку, прикрепил к ней лист бумаги, рядом положил цветные фломастеры. Гамаш сел рядом с ним, посмотрел через стеклянные двери наружу. Он видел столики со сложенными зонтами над ними, а чуть дальше – реку Белла-Беллу. Он подумал, что она

оправдывает свое название[26 - Bella – в переводе с итальянского означает «красавица».]

Комната заполнилась проголодавшимися и замерзшими полицейскими. Гамаш отметил, что агент Николь села в одиночестве, и удивился, почему она так сделала. Первым докладывал Бовуар, время от времени вгрызаясь в сэндвич с тонко нарезанными ломтиками ветчины, поджаренными, видимо, в кленовой подливке с медово-горчишной приправой, и в свежий круассан с состаренными кусочками чеддера.

– Мы обшарили место преступления и нашли... – Бовуар сверился со своими записями, размазав капельку горчицы по странице, – три старые пивные бутылки.

Гамаш поднял брови:

– И все?

– И еще пятнадцать миллионов листьев. Вот рана.

Бовуар нарисовал кружочек красным фломастером. Полицейские наблюдали за ним без интереса. Бовуар опять поднял руку и начертил четыре линии, исходящие из кружочка, словно страны света на компасе. Несколько полицейских опустили сэндвичи. Их что-то заинтересовало. Рисунок был похож на грубо выполненную карту Трех Сосен. Глядя на жутковатую картинку, Гамаш размышлял, а не было ли это все-таки преднамеренным убийством.

– Можно ли нанести такую рану стрелой из лука? – спросил Бовуар.

Никто, похоже, не знал ответа на этот вопрос.

«Если рана была нанесена стрелой, – подумал Гамаш, – то где же эта стрела? Должна быть в теле». Перед его мысленным взором возникло изображение из Нотр-Дам-де-Бон-Секур, церкви, в которую они с Рейн-Мари время от времени заходили. Стены там были исписаны фресками, изображающими святых на разных стадиях мучения или экстаза. Перед его мысленным взором предстал один образ. Святой Себастьян, скорчившийся от мучений, причиняемых

множеством стрел, вонзившихся в его тело. Каждая торчала из его страдающего тела обвинительным перстом. Из тела Джейн Нил должна была торчать стрела, и эта стрела указывала бы на убийцу. Если бы ее убили стрелой, то не было бы выходной раны. А она была. Вот еще одна загадка.

– Оставим это и двигаемся дальше. Кто докладывает следующий?

Ланч продолжался, полицейские ели и слушали в атмосфере, которая сподвигала к совместной работе. Гамаш верил в совместную работу своей команды, а не в конкуренцию. Он понимал, что с этим своим мнением пребывает в меньшинстве среди руководства Квебекской полиции. Он верил, что хороший руководитель должен также уметь слушать своих подчиненных. И учил своих людей относиться друг к другу с уважением, выслушивать предложения, поддерживать один другого. Не все понимали это. Полиция была полем конкуренции: тот, кто добивался результатов, получал повышение, а если тебя кто-то опережал, то ты оставался на прежнем месте, а он продвигался вверх. Гамаш знал, что в полиции нередко награды получают незаслуженно, а потому награждал командных игроков. У него была почти стопроцентная раскрываемость, а он вот уже двенадцать лет как ни на шаг не продвинулся по службе. Но он был счастливым человеком.

Гамаш ел жареную курицу с тостами – блюдо ему понравилось, и он решил, что будет заезжать сюда. Кто-то из полицейских взял себе пиво, но Гамаш предпочел имбирный лимонад. Гора сэндвичей быстро исчезла.

– Коронер обнаружил что-то странное, – доложила Изабель Лакост. – В ране были два перышка.

– А у стрел есть перья? – спросил Гамаш.

Перед его взглядом снова возник святой Себастьян со стрелами в теле – все стрелы с оперением.

– Раньше были, – вставила Николь, радуясь возможности показать свои знания. – Теперь оперение делают из пластика.

Гамаш кивнул:

– Я этого не знал. Что еще?

– Как вы видели, крови было очень мало, что обычно случается при мгновенной смерти. Она была убита на том самом месте, где ее нашли. Тело не перемещалось. Время смерти – между шестью и семью часами этого утра.

Гамаш сообщил всем, что ему стало известно от Оливье и Йоланды, и раздал поручения. В первую очередь нужно обыскать дом Джейн Нил. В этот момент зазвонил телефон Гамаша – это был адвокат Йоланды Фонтейн. Гамаш ни разу не повысил голоса, но его раздражение было очевидно.

– Пока мы не можем войти в дом Джейн Нил, – сообщил он, захлопнув телефон. – Адвокат миссис Фонтейн невероятным образом сумел отыскать судью, который издал предписание, запрещающее нам обыскивать дом.

– И как долго будет действовать это предписание? – спросил Бовуар.

– Пока не будет доказано, что это преднамеренное убийство или что миссис Фонтейн не является наследницей покойной. Теперь действуем по следующему плану. Нужно отыскать завещание мисс Нил, собрать информацию о местных лучниках. Мне также нужно знать, почему охотник, если он случайно убил мисс Нил, вытащил из тела стрелу. И еще узнать побольше о смерти Тиммер Хадли. Я обустрою для нас оперативный штаб где-нибудь в Трех Соснах. Кроме того, я должен поговорить с Питером и Кларой Морроу. Бовуар, ты пойдешь со мной. И вы тоже, агент Николь.

– Сейчас День благодарения, – напомнил Бовуар.

Гамаш остановился на полуслове. Он забыл об этом.

– У кого-то есть планы на праздничный обед?

Все подняли руки. У него тоже были планы. Рейн-Мари пригласила на обед лучших друзей. Кружок узкий, так что его точно будет не хватать. И он опасался, что объяснение «уехал в центр исправительного воздействия» их не убедит.

– Изменение планов. В четыре часа, то есть через полтора часа, мы уезжаем в Монреаль. За это время вы должны успеть сделать все по максимуму. Мы не хотим, чтобы индейка на наших столах остыла.

Бовуар открыл деревянную калитку и ступил на петляющую тропку, ведущую к дверям коттеджа. Вокруг дома росла гортензия, цветы которой порозовели в холодную погоду. Вдоль дорожки красовались старые садовые розы, а под ними какие-то багряные цветы. Гамаш решил, что это лаванда. Он сделал себе пометку на память: когда будет время, спросить у миссис Морроу. Наперстянку и алтей он узнал сразу. Единственное, чем его не устраивала квартира в Утремоне, было отсутствие хотя бы клочка земли – только ящики на подоконниках. А вот такие сады ему нравились. Сад идеально подходил скромному кирпичному дому, к которому Гамаш сейчас направлялся. Темно-синюю дверь открыл Питер – они даже постучать не успели. Они оказались в маленькой прихожей с ее разнообразными запахами от курток на вешалке и ботинок под длинной деревянной скамьей.

– Берлингтонская станция передает, что ожидается дождь, – сказал Питер, принимая у них плащ и куртку, и провел визитеров в большую кухню, какие бывают в загородных домах. – Они, конечно, почти всегда врут. У нас здесь, похоже, микроклимат. Вероятно, дело в горах.

В комнате было тепло и уютно, здесь стояли полированные кухонные столы, а на открытых полках разместилась керамика, оловянная посуда и стекло. Лоскутные коврики хаотично лежали на крытом линолеумом полу, придавая кухне спокойное обаяние. На конце соснового обеденного стола стоял огромный букет – настоящий остров по размерам. Клара сидела на другом конце, закутавшись в вязаный шерстяной платок. Вид у нее был бледный и расстроенный.

– Кофе?

Питер был не очень уверен, какому этикету следовать. Но все трое визитеров отклонили предложение.

Клара слабо улыбнулась и пожала им руки, при этом платок соскользнул с ее плеча. Гамаш знал, что привычка к вежливости так глубоко укоренилась в людях, что они улыбались, даже преодолевая личное горе.

– Примите мое сочувствие, – сказал он Кларе.

– Спасибо.

– Я хочу, чтобы вы сели там, – прошептал Гамаш, указывая Николь на простой сосновый стул у дверей прихожей, – и делали записи.

«Записи, – сказала себе Николь. – Он что, думает, будто я секретарша? Я два года проработала в Квебекской полиции, а он просит меня присесть и вести записи». Остальные расположились за кухонным столом. Она заметила, что ни Гамаш, ни Бовуар не достали записных книжек.

– Мы считаем, что Джейн Нил погибла вследствие несчастного случая, – начал Гамаш. – Но у нас есть одна проблема. Мы не можем найти оружия, и никто не явился с признанием. Поэтому нам придется расследовать ее смерть как вызывающую подозрения. У вас нет предположений, кто мог бы желать вреда вашему другу?

– Никто не мог. Джейн устраивала благотворительные распродажи выпечки и старых вещей здесь, в церкви Святого Томаса. Прежде она работала учительницей. Вела тихую, размеренную жизнь.

– Миссис Морроу?

Клара задумалась на несколько секунд или только сделала вид, что думает. Но ее мозг отказывался работать и был не способен подсказать ясный ответ.

– Кому-нибудь была выгодна ее смерть? – Гамаш подумал, что четко сформулированный вопрос поможет ей ответить.

– Вряд ли. – Клара взяла себя в руки, чувствуя, что глупо так сильно чувствовать. – По-моему, она ни в чем не нуждалась, хотя мы никогда об этом не говорили. Здесь, слава богу, можно прожить на очень маленькие деньги. Она выращивала овощи, но бульшую их часть раздавала. Я всегда думала, что она делает это не из нужды, а для того, чтобы провести время.

– А что ее дом? – спросил Бовуар.

– Да, мне кажется, он стоит неплохих денег, – сказал Питер. – Но неплохих по стандартам Трех Сосен, а не по монреальским. Она могла получить за него тысячу сто пятьдесят. Может, чуть больше.

– Возможно, кто-то мог иным образом выиграть от ее смерти?

– Ничего очевидного в голову не приходит.

Гамаш приготовился вставать.

– Нам необходимо оборудовать то, что у нас называется оперативным штабом. Отдельное помещение, где мы смогли бы временно разместиться здесь, в Трех Соснах. Вам ничего не приходит в голову?

– Вокзал. Поезда давно уже не ходят. Там разместились добровольная пожарная команда. Я уверена, они будут готовы поделиться с вами площадью.

– К сожалению, нам нужно совсем отдельное помещение.

– Есть старая школа, – предложила Клара.

– Та, в которой работала мисс Нил?

– Именно, – ответил Питер. – Мы проходили мимо нее сегодня утром. Она принадлежит Хадли, но теперь помещение использует клуб лучников.

– Клуб лучников? – переспросил Бовуар, не веря своим ушам.

– Он у нас уже давно. Мы с Беном его и основали.

– Он заперт? У вас есть ключ?

– Где-то у меня был ключ. У Бена тоже есть, кажется. Но здание никогда не запирается. Наверное, стоит это делать.

Он посмотрел на Клару в поисках ее мыслей или поддержки. Но увидел только пустой взгляд. Гамаш кивнул Бовуару, который взял сотовый и сделал звонок, пока остальные продолжали разговор.

– Я хотел бы завтра утром собрать жителей деревни, – сказал Гамаш. – В Святом Томасе в половине двенадцатого. Но нам нужно как-то всех оповестить.

– Это просто. Скажите Оливье. У них вся провинция собирается. А еще ансамбль «Кошки». А его партнер Габри дирижирует хором.

– Музыка нам, пожалуй, не требуется.

– Мне тоже, но вам нужно туда зайти. У него набор ключей.

– Клуб лучников вы держите открытым, а церковь запираете?

– Священник не местный – монреальский, – пояснил Питер.

Гамаш попрощался, и они втроем пошли в обратный путь по теперь уже знакомому деревенскому лугу. Они машинально поднимали ноги повыше, ступая по опавшим листьям, которые издавали осенний терпкий запах и слабый шуршащий звук.

Гостиничка располагалась напротив ряда коммерческих зданий на углу Старой Почтовой улицы – еще одной дороги, ведущей из Трех Сосен. Когда-то здесь, на наезженном пути от Сен-Реми к Уильямсбургу, останавливались на ночевку почтовые кареты. Потом нужда в почтовой станции отпала, и Оливье с Габри, приехав сюда, восстановили первоначальное назначение этого дома – служить приютом для усталых путников. Гамаш сказал Бовуару, что ему нужна не только информация, но и номера.

– На какой срок? – спросил Бовуар.

– Пока дело не будет закрыто или его не передадут другим.

– У них тут, должно быть, чертовски вкусные багеты.

– Вот что я тебе скажу, Жан Ги: если бы он еще добавил туда грибочков, я бы купил это чертово быстро и переехал сюда жить. Здесь гораздо удобнее, чем во многих других местах, где мы бывали.

Это верно. По службе им часто приходилось уезжать далеко от дома – до Кууджуака, Гаспе, Шеффервилла и залива Джеймс. Они по несколько недель не бывали дома. Бовуар надеялся, что на сей раз будет иначе – ведь они в такой близи от Монреаля. Но иначе явно не получалось.

– Я тоже остаюсь.

– Николь? – спросил он через плечо. – Хотите остаться?

Иветт Николь показалось, что она выиграла в лотерею.

– Здорово. Я не взяла одежду, но это не проблема. Что-нибудь куплю, а эту постираю сегодня в раковине...

Гамаш поднял руку:

– Вы не слушали. Сегодня мы едем домой, а завтра начинаем здесь работать.

Черт. Каждый раз, когда она демонстрировала энтузиазм, это выходило ей боком. И когда она только научится?

На всех ступеньках вплоть до самой широкой гостиничной веранды стояли вырезанные тыквы. При виде потертых восточных ковров, мягких кресел, осветительных приборов с выключателями-бечевками и множества масляных ламп у Гамаша возникло впечатление, будто он снова оказался в доме бабушки. Это впечатление усиливалось еще и тем, что внутри пахло выпечкой. А когда через распашную дверь к ним вышел крупный человек в переднике с оборками и надписью «Никогда не верь тощему повару», Гамаш с испугом отметил сильное сходство этого человека с его бабушкой.

Габри громко вздохнул и театральным жестом приложил ко лбу бледную руку:

– Булочки?

Вопрос был настолько неожиданным, что даже Гамаша застал врасплох.

– Простите, месье?

– У меня есть с морковкой, с финиками, с бананами и в память Джейн специальные под названием «Шарль-де-Миль».

С этими словами Габри исчез и появился несколько секунд спустя с тарелкой, на которой были разложены булочки, великолепно украшенные фруктами и розами.

– Это, конечно, не розы Шарль-де-Миль. Они давно отцвели.

По щекам Габри побежали слезы, и тарелка опасно накренилась. Лишь быстрые действия, предпринятые Бовуаром и подкрепленные его желанием отведать лакомство, спасли булочки от падения.

– Desole. Excusez-moi[27 - Сожалею. Извините.]. Я так скорблю. – Габри рухнул на диван, его руки и ноги взлетели вверх.

Гамашу показалось, что, несмотря на всю театральность, этот человек искренне переживает. Он дал Габри несколько секунд, чтобы тот взял себя в руки, хотя Габри, вполне возможно, никогда не держал себя в руках. Затем Гамаш поручил Габри сообщить жителям деревни о собрании на следующее утро и попросил его открыть церковь. Напоследок он зарезервировал в гостинице номера с завтраком.

– У нас подается бранч[28 - Плотный поздний завтрак (от breakfast – завтрак, lunch – ланч).], – поправил его Габри, – но вы можете получить бранч вместо завтрака, если хотите. Ведь вы ищете преступника.

– Нет ли у вас предположений, кто мог ее убить?

– Разве это был не охотник?

– Мы не знаем. Но если это был не охотник, то на кого бы вы подумали?

Габри взял булочку. Бовуар воспринял это как приглашение и тоже взял одну. Они были еще теплые.

Габри молчал на протяжении двух булочек, потом тихо сказал:

– Никто даже в голову не приходит, но, – он пронзительным взглядом посмотрел на Гамаша, – разве может прийти? Я что говорю: ведь это и есть самое ужасное в убийстве. Мы не знаем, что оно совершится. Мне не удастся толком это сказать. – Он взял еще одну булочку, съел ее вместе с розой. – Люди, которые вызывали у меня наибольшее раздражение, даже не догадывались об этом. Есть в этом какой-то смысл?

Он как будто умолял Гамаша понять его.

– Есть. И еще какой, – ответил Гамаш.

И он не лукавил. Лишь немногие так быстро понимали, что причиной большинства преднамеренных убийств являются долго подавляемые оскорбленные чувства, корысть, ревность, страх. Как сказал Габри, люди не чувствуют приближения убийства, потому что убийца – хороший актер, представляет публике ложное обличье, умеет выглядеть разумным и даже сдержанным человеком. Но за этим обликом прячется ужас. И поэтому на лицах большинства убитых, которых видел Гамаш, не было страха, не было гнева. Было удивление.

– Кто знает, какие злые страсти скрываются в людских сердцах? – спросил Габри, и Гамаш подумал: знает ли тот о том, что цитирует слова из старой радиодрамы[29 - Речь идет о серии радиопостановок «Тень»]. Но тут Габри подмигнул ему.

Он снова исчез и вернулся с небольшим пакетиком булочек, который протянул Гамашу.

– Еще один вопрос, – сказал Гамаш от двери, одной рукой держа пакетик с булочками, а другой – дверную ручку. – Вы говорили о розах Шарль-де-Миль.

– Джейн любила их больше всего. Это не просто какая-то роза, старший инспектор. Любители цветов считают ее самой красивой в мире. Это старая садовая роза. Цветет всего один сезон, но как великолепно! А потом умирает. Вот почему я сделал булочки на розовой воде в память Джейн. И стал их есть, как вы заметили. Я всегда съедаю мою боль.

Габри слегка улыбнулся. Гамаш подумал, что, учитывая размеры Габри, объем съеденной боли должен быть велик. А может быть, еще и страха. И гнева. Кто знает?

Бен Хадли ждал их у здания старой школы, как о том и просил его Бовуар по телефону.

– Скажите, мистер Хадли, на ваш взгляд снаружи здесь все в порядке? – спросил Гамаш.

Бен, несколько удивленный вопросом, оглядел здание. Гамаш подумал, что удивление, пожалуй, постоянное состояние Бена Хадли.

– Да, в порядке. Хотите посмотреть внутри?

Бен потянулся к ручке, но Бовуар успел задержать его, ухватив Бена за локоть. Бовуар вытащил ролик желтой полицейской ленты из кармана и протянул его Николь. Пока Николь наматывала на дверь и окна желтую ленту с надписью «Вход запрещен. Место преступления», Бовуар объяснил:

– Судя по всему, мисс Нил была убита стрелой из лука. Мы должны тщательно обыскать ваш клуб, – возможно, оружие убийство было взято отсюда.

– Но это же смешно.

– Почему?

Бен просто огляделся вокруг, словно мирный пейзаж мог служить веским доказательством. Он вложил ключ в протянутую руку Бовуара.

Агент Николь вывела машину на мост Шамплена, а потом назад в Монреаль. Она мельком кинула взгляд на инспектора Гамаша, который в безмолвном раздумье сидел на пассажирском сиденье рядом с ней. Затем начинались очертания Монреаля на фоне неба, на вершине Мон-Ройял начинал сиять огромный крест. Ради нее семья обещала припоздниться с праздничным обедом. Она знала: ради нее они были готовы на все, и эта уверенность одновременно утешала ее и связывала. От нее ждали только успехов.

Войдя в свою квартиру, Арман Гамаш сразу же ощутил запах жареной куропатки. Это было фирменное праздничное блюдо Рейн-Мари: небольшая дикая птица в беконе, приготовленная на медленном огне в соусе из глинтвейна с можжевельной ягодой. Обычно он готовил начинку из дикого риса, но на сей раз Рейн-Мари, вероятно, сделала все сама. Пока он раздевался, они обменялись новостями. Потом он принял душ. Она рассказала ему о крещении и фуршете после церемонии. Она была почти что уверена, что присутствовала на той церемонии, хотя многих людей просто не узнала. Он рассказал ей о том, как провел день, и о деле. Рассказал все. Этим он отличался от других, но он не понимал, как можно поддерживать семейные отношения, если утаивать от жены эту часть его жизни. И потому он рассказывал ей все, и она рассказывала ему все. И пока, по прошествии тридцати двух лет совместной жизни, это вроде бы работало.

Пришли друзья, и вечер получился раскованный, легкий. Две бутылочки хорошего вина, отличный праздничный обед и задушевное умное общество. Гамаш вспомнил начало книги Вирджинии Вулф «Орландо». Этот Орландо на протяжении своей многовековой жизни ищет не богатства и славы или почестей. Нет, он ищет только общения.

Клара раскачивалась туда-сюда, туда-сюда, баюкая свою скорбь. В этот день она испытала такое чувство, будто кто-то вынул у нее сердце и мозг. Теперь ей вернули и то и другое, только перемолотыми. Мозг не мог ни на чем сосредоточиться и постоянно возвращался в одну и ту же мучительную точку.

Питер тихонько подошел к дверям спальни и заглянул внутрь. Господь его простит, но какая-то его часть испытывала ревность. Ревность к тому, что бо?льшая часть Клары принадлежала Джейн. Он спросил себя: а его смерть

переживала бы Клара с такой скорбью? И тут он понял, что, если бы его убили в лесу, у Клары был бы человек, который мог бы ее утешить, – Джейн. Джейн знала бы, как это сделать. И в этот миг для Питера открылась дверь. Впервые в жизни он задался вопросом, что стал бы делать кто-то другой. Что бы делала Джейн, будь она здесь, а он умер бы. И он нашел ответ. Он молча лег рядом с Кларой и обнял ее. И в первый раз после того, как стало известно о смерти Джейн, ее сердце и мысли успокоились. На одно благословенное мгновение они оказались в том месте, которое называлось любовью, а не смертью.

Глава четвертая

– Тост будешь? – решился спросить на следующее утро Питер, обращаясь к скорбной спине Клары.

– Как я богу хожу дост? – прорыдала она в нос, и тонкая ниточка слюны протянулась из ее рта до самого пола, где у ее ног образовалась целая блестящая лужица.

Они стояли босиком в кухне, начиная готовить завтрак. Обычно к этому времени они уже принимали душ, и если не одевались полностью, то хотя бы накидывали халат на пижаму и надевали шлепанцы. Но сегодняшнее утро не было обычным. Питер только сейчас понял, насколько необычным оно было.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Кофе с молоком (фр.).

2

Боже мой (фр.).

3

Кармен Миранда (1909–1955) – бразильская певица и танцовщица, известна своими экзотическими костюмами и шляпками с муляжами фруктов.

4

Ну хорошо (фр.).

5

Тачбол (от touch-football) – упрощенный вид американского футбола.

6

Нарния – волшебная страна из цикла сказок Клайва Льюиса «Хроники Нарнии».

7

Квентин Крисп (1908–1999) – английский писатель и актер, «гей-икона» своего времени.

8

Уистен Хью Оден (1907–1973) – англо-американский поэт.

9

Вита Сэквилл-Уэст (1892–1962) – английский автор, поэтесса, известна своим богемным образом жизни и бисексуальностью, широко известен ее страстный роман с Вирджинией Вулф.

10

Здесь: да, конечно (фр.).

11

Мое сердце (фр.).

12

Известный в Канаде ресторан быстрого питания.

13

До свидания (фр.).

14

Гастроном (фр.).

15

Магазин, пекарня (фр.).

16

Лоялистами в Канаде называют американцев, оставшихся преданными английскому королю после американской революции. Немалая часть лоялистов переселилась в Канаду, сохранившую верность английской короне.

17

Абенаки – индейское племя, обитающее на территории США и Канады.

18

Боже мой, это просто невероятно (фр.).

19

Имеется в виду референдум об отделении франкоязычной части Канады от англоязычной.

20

Квебекский департамент французского языка (фр.). Учреждение, организованное правительством провинции Квебек и занимающееся регулированием правил употребления французского языка в Квебеке с целью придать ему статус единственного официального.

21

Квадратноголовые (фр.). Презрительное прозвище английского меньшинства в Квебеке.

22

Старший инспектор Жак Клузо – кинематографический комедийный персонаж, герой серии «Розовая пантера».

23

«Лэндс Энд» – название американской торговой сети, специализирующейся на повседневной одежде.

24

Здесь: канадско-французское ругательство.

25

«Борьба всех звезд» – рекламная кампания, проводимая с целью пропаганды спортивной борьбы.

26

Bella – в переводе с итальянского означает «красавица».

27

Сожалею. Извините.

28

Плотный поздний завтрак (от breakfast – завтрак, lunch – ланч).

29

Речь идет о серии радиопостановок «Тень».

Купить: <https://tellnovel.com/luiza-penni/ubiystvenno-tihaya-zhizn-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)